
Московское студенчество 1995—2000 гг.: социальная ситуация, тенденции, перспективы

А.Г. ЭФЕНДИЕВ, М.В. КОНДРАШОВА

В основу статьи положены результаты исследования уровня жизни, настроений, отношения к учебе, к труду студентов и работников образования Москвы. Полученные данные, их анализ могут и должны быть осмыслены как в рамках социологии образования, так и более широко, в масштабах процессов, происходящих в современном российском обществе. В первом случае, изучая социальную стратификацию современного московского студенчества, мотивацию его учебной деятельности, ценностно-нормативные установки, организацию учебного процесса, стандарты поведения профессорско-преподавательского состава, мы глубже и четче уясняем проблемы развития высшего образования как социального института. Во втором случае высшее образование, правила игры, по которым оно сегодня реально существует, становятся проявлением трансформационных процессов, протекающих в российском обществе. Достижения и серьезные проблемы, негативные аспекты, которые выявлены при анализе высшего образования в Москве, представляют эмпирическую основу теоретического обобщения трансформации социальных институтов. Для решения последней задачи с участием авторов проведены конкретно-социологические исследования, в которых наряду с решением задач теории среднего уровня мы стремились общесоциологически осмыслить сегодняшнюю российскую действительность.

Постановка проблемы

В последние 10—15 лет в российском обществе происходят глубинные преобразования. Те черты, которые были присущи структуре, образу жизни, духовно-нравственным устоям нашего общества всего лишь 7—10 лет назад, сегодня существенно изменились, во многом приобрели новое качественное содержание. Такова специфика периода коренных трансформаций. Причем изменения, охватившие общество, в том числе студенчество, в последние годы имеют системный характер, затрагивают как экономические, так и социально-профессиональные и духовные аспекты. В результате быстрых, динамичных изменений возникают во многом новые социальная реальность и социальные субъекты общественной жизни. Для эффективного управления социальными процессами и в масштабах всего общества, и отдельных предприятий (вузов, школ) незави-

симо от того, кто это управление осуществляет (государственные органы или общественные организации), принципиально необходимо научное осмысление этой социальной реальности, учет сложившейся социальной ситуации, социально-экономических условий жизни, духовно-нравственных потребностей субъектов образования, в том числе студенчества как института. Исследования проблем студенчества для отечественной социологии традиционно. Социальный портрет студенчества России — более широко высшего образования 1990-х годов — был описан и проанализирован в работах Ю.Р. Вишневого и Л.Я. Рубиной [Вишневский, Рубина 1997], Д.Л. Константиновского [Константиновский 2001], Т.Н. Кухтевич [Кухтевич 1992], Ф.Х. Шереги, В.Г. Харчевой, В.Г. Серикова [Высшая школа в зеркале социологии 1997] и других авторов.

Общая цель нашей работы — исследовать московского студента 2000 г., условия его жизни, социально-профессиональные запросы, духовные устои. В конечном счете понять, каков он, что изменилось в его социальном портрете за последние пять лет динамичного и противоречивого развития российского общества.

Для достижения цели исследования были поставлены и решены следующие задачи:

анализ социально-стратификационной структуры студенчества Москвы;

исследование материального положения студентов;

исследование учебной деятельности, в том числе практики платных образовательных услуг и негативных явлений в вузовской жизни;

исследование духовно-нравственного мира московского студенчества 2000 г., в том числе проведения свободного времени.

При решении этих задач использован прием сопоставления результатов данного исследования и исследования «Московский студент-1995» [Эфендиев 1996], что несколько отличает наш замысел от исследований коллег. Причем это сопоставление проводилось путем сравнения результатов ответов респондентов в 1995 и в 2000 г. на одни и те же вопросы. Если учесть, что принципы организации выборки, квотирование ее основных элементов также имели единые основания, то можно утверждать: в ходе исследования получены очень важные для современной отечественной социологии панельные данные. Они позволяют социологически более или менее достоверно зафиксировать изменения, динамику социально-экономических, учебно-профессиональных и духовно-нравственных характеристик студенчества (как конкретного социального слоя) в период коренных социальных трансформаций.

Всего опрошен 1121 респондент. Опрос проводился в основном в феврале-апреле 2000 г. В выборке были представлены следующие вузы: университет классический (МГУ — около 20,0 % всей выборки), технические (МАТИ, ГАНГ, МГИЭМ, МАДИ — около 40,0 %), социально-экономические (МЭСИ, МГСУ), педагогический (МПГУ), медицинский (РГМУ), сельскохозяйственный (ТСХА), архитектурный (МАРХИ). Всего 11 вузов по всем основным типам*. При этом на втором курсе обучались 46,3 % опрошенных, на четвертом курсе — 40,4 %. Среди опрошенных студентов респонденты мужского пола составили 43,9 %,

* Данные об отдельных вузах носят справочный характер, так как выборка составлялась для анализа московского студенчества в целом и не предназначена для анализа отдельных вузов.

женского — 56,0 %. Москвичей среди опрошенных было 53,9 %, жителей Подмосковья — 20,6 %, иногородних граждан Российской Федерации — 22,6 %. Постоянно проживают с родителями 62,5 % респондентов, имеют квартиру 3 %, снимают жилье 3,6 %, живут у родственников 3,4 %, в общежитии 27,4 %.

Степень уверенности в завтрашнем дне как интегральный показатель социального самочувствия

Проанализировав множество конкретных показателей уровня жизни, учебной деятельности, ценностных ориентаций и установок опрошенных студентов, сопоставив сотни таблиц корреляций различных показателей, мы попытались выявить основную логику, которая пронизывает эти эмпирические данные и которую необходимо воспроизвести в научном анализе полученных результатов. За отправной момент движения к пониманию особенностей социально-духовного мира московского студента-2000, его переживаний, отношения к различным сторонам жизни вуза, готовности к солидарным действиям при отстаивания своих интересов мы приняли ответы опрошенных на вопрос «С каким чувством Вы смотрите в будущее?». Этот показатель носит во многом синтетический характер. Он, с одной стороны, воплощает в себе социально-экономическое самочувствие, адаптированность к сложившейся социальной реальности, а с другой стороны, объясняет поведение, отношение к конкретным условиям жизни, учебе, профессиональной подготовке. Как показал анализ полученных результатов, именно ответы на данный вопрос сфокусировали в себе все основные тенденции, противоречия, особенности, которые характеризуют как студенчество Москвы в целом, так и представителей основных социальных подгрупп студенчества, отдельных вузов.

Сопоставление данных, полученных в 1995 г. и 2000 г. (табл. 1), выявляет, на наш взгляд, очень существенные, подчас внешне малоприметные изменения, которые произошли за последние пять лет.

Итак, абсолютное большинство опрошенных студентов в 2000 г. (57,9 %) уверенно выбрали вариант «с надеждой и оптимизмом». Присущее молодым жизнеутверждающее, оптимистическое настроение, восприятие жизни стало сегодня, судя по результатам исследования, подавляющим. В этом состоит кардинальное отличие современного московского студента от своих предшественников пять лет назад. Тогда оптимистическое настроение охватывало 40,7 % молодежи. Уверенно смотрели в будущее почти столько же, сколько и тех, кто смотрели «спокойно, но без особых надежд» (36,4 %).

В 2000 г. доминирование жизнеутверждающих настроений стало безусловным. Группа оптимистов превосходит все другие группы, она опережает «спокойных» (вторая по численности) более чем в два раза. При этом внушительный рост числа оптимистов в 2000 г. по сравнению с 1995 г. — более чем в 1,4 раза. По всем другим значимым показателям ощущается падение: по показателю «спокойно, но без особых надежд» с 36,4 % в 1995 г. до 26,0 % в 2000 г. (в 1,4 раза); по важнейшему показателю «с тревогой и оптимизмом» с 13,6 % до 10,1 % (в 1,36 раза).

Таблица 1 **Степень уверенности студентов Москвы в завтрашнем дне, % ко всем опрошенным**

Ответ	1995 г.	2000 г.
С надеждой и оптимизмом	40,7	57,9
Спокойно, но без особых надежд	36,4	26,0
С тревогой и неуверенностью	13,6	10,1
Со страхом и отчаянием	2,1	2,0
Безразлично	3,3	2,2
Другое	3,9	1,8

В 1995 г. доля ни на что особо не надеющихся («спокойно, но без особых надежд») или смотрящих в будущее «с тревогой и неуверенностью» составляла 50,0 %, в 2000 г. — всего 36,1 %. Таким образом, падение составило почти 1,4 раза.

Данные свидетельствуют: за последние пять лет в среде московского студенчества существенно возросло жизнеутверждающее, оптимистическое восприятие жизни. Свидетельством чего могут быть эти подвижки в умонастроениях?

Для корректного ответа на этот, во многом коренной для понимания всех результатов исследования вопрос следует иметь в виду следующее. Московский студент-1995 — это молодой человек, который, с одной стороны, делал первые шаги осмысленной жизни в условиях советского общества. Он застал школьную комсомольскую организацию, впитал в себя определенные дозы советской морали, идеологии, имел более или менее упорядоченную жизнь, в том числе налаженный учебный процесс в школе, социалистические нормы обустройства жизни со слабой дифференциацией материального уровня жизни представителей различных социальных слоев и т. д. С другой стороны, это человек, чья студенческая жизнь проходила в непростые, крайне противоречивые годы правления Ельцина, с их хаосом, неопределенностью, крахом былых социально-духовных приоритетов, нравственным вакуумом, расцветом олигархизма, правового беспредела, финансовых пирамид, невиданного для цивилизованного общества имущественного расслоения общества и т. д.

Студент 1995 г. — это человек, через социально-духовный мир которого пролегла пропасть между советскими социалистическими устоями и новыми порядками постсоветского общества. Этот перелом, тектонические процессы достаточно ясно и ощутимо проявились в его ожиданиях, предпочтениях, породили чувство безысходности, социальной паники, неуверенность в завтрашнем дне и т. п.

Студент 2000 г. не жил в советском обществе (если не считать детского сада и начальной школы). Вся его более или менее осмысленная жизнь, процесс социализации, восприятие ценностей, формирование жизненных ориентиров, оценок, приоритетов происходили в условиях постсоветской России. Это первое постсоветское («ельцинское») поколение молодежи, которое *другой России не знало*. Оно воспринимает как должное, нормальное многие стороны, черты общественной жизни, которые у предыдущих поколений вызвали бы шок, растерянность. Они имеют повышенную ориентацию на проблемы материального благосостояния. Они смирились с коррупцией и мафией, правовым беспределом. Они как вполне нормальное явление рассматривают многие стороны

жизни, в которых раньше было стыдно признаваться (блат, крайний прагматизм, эгоцентризм). Они не видят ничего особенного в платных услугах в высшей школе, в сниженной мотивации деятельности преподавателей и т. д. Иными словами, они гораздо лучше, чем предыдущее поколение студентов, адаптированы к современной России, это понятная и нормальная для них среда обитания. Их адаптированность и проявляется в росте оптимистических настроений, уверенности в завтрашнем дне. Для них этот мир понятен и предсказуем.

Более того, как показали другие результаты исследования (о них речь ниже), московский студент 2000 г. живет в стабилизовавшейся России, поскольку коренные изменения социальной структуры общества, его социальная стратификация, дифференциация уровня жизни различных слоев общества, видимо, в основном уже завершены. Стабилизация социальной структуры общества явилась еще одним фактором, облегчающим социальную адаптацию новых поколений, восприятие ими сложившихся условий как надежных, устойчивых и предсказуемых. Это также способствует формированию чувства уверенности в завтрашнем дне.

Итак, студент 2000 г. в целом достаточно комфортно чувствует себя в современной России, видит для себя перспективы. Существующая реальность вызывает у него в целом позитивное, конструктивное отношение. Другое дело — какова это реальность, насколько сложившиеся условия будут способствовать расцвету нашего общества как в социально-экономическом, так и в духовном плане.

Вместе с тем степень оптимистической уверенности в будущем (и наоборот, чувство безысходности, пессимизма) существенно колеблется в зависимости от определенных социальных, учебно-профессиональных и других обстоятельств. Анализ факторов, способствующих или препятствующих формированию такой уверенности, позволяет выявить и основные проблемы, противоречия, болевые точки, водоразделы, которые пролегли через современное московское студенчество. Эти оценки проявятся на всех основных этапах последующего анализа. И это понятно: ведь в показателе уверенности в завтрашнем дне, как в капле воды, концентрируются все основные проблемы.

Условно можно выделить две группы факторов, которые влияют на поведение, отношение к жизни, учебе. Первая группа — это социально-экономические факторы, связанные с уровнем жизни, социально-стратификационной позицией, степенью социально-материальной самостоятельности (живет в общежитии, без родителей и т. д.). Вторая группа — учебно-профессиональные факторы. Это сам вуз, его престижность, получаемая специальность, качество обучения и т. д. Именно взаимосвязь этих двух групп факторов и определяет основные характеристики поведения студента.

Данные, зафиксированные в табл. 2, концентрируют внимание на социально-экономических факторах, оказывающих существенное воздействие на настроение студентов, на их поведение, отношение к жизни.

Зоной относительной социальной неуверенности остается общежитие. Среди проживающих в них несколько меньше оптимистов, чем в среднем по выборке (51,8 % против 57,9 %). Доля же тех, кто всматривается в будущее «с тревогой и неуверенностью», на треть выше, чем среди проживающих с родителями (соответственно 12,3 % и 9,1 %).

Кстати, «излучают уверенность» в своем будущем те, кто в свои молодые годы имеет собственную квартиру. В этой группе, пожалуй, самый высокий во всем

Таблица 2 Степень уверенности студентов в завтрашнем дне в зависимости от рода занятий отца, удовлетворенности материальным положением и места проживания, % ко всем ответившим

С каким чувством Вы смотрите в будущее?		С надеждой и оптимизмом	Спокойно, но без особых надежд	С тревогой и неуверенностью	Со страхом и отчаянием	Безразлично
Род занятий отца	В целом по выборке	57,9	26,0	10,1	2,0	2,2
	Ряд. работник (госсектор)	60,0	25,0	9,1	2,7	1,8
	Специалист (госсектор)	58,9	24,4	10,6	0,4	3,3
	Ряд. работник (негос. сектор)	59,2	26,5	8,9	0,8	0,4
	Специалист (негос. сектор)	62,8	23,3	7,0	3,5	2,3
	Руководитель (госсектор)	74,4	10,3	12,8	2,6	-
	Мелкий предприниматель	61,4	20,5	13,6	2,3	-
	Крупный предприниматель	65,0	22,2	7,4	1,7	1,7
	Военнослужащий	51,7	32,8	8,6	-	1,7
	Пенсионер	48,9	29,4	17,4	-	2,1
Безработный	39,1	30,4	17,6	4,1	4,3	
Материальное положение	Удовлетворен	70,1	21,5	3,5	0,7	1,4
	Есть некоторое неудовлетвор.	58,0	29,2	8,1	1,0	2,5
	Глубоко неудовлетворен	51,0	23,4	17,2	3,1	1,9
Место проживания	С родителями	57,9	26,8	9,1	1,6	2,0
	Имею квартиру	78,3	13,0	8,7	-	-
	В общежитии	51,8	29,4	12,3	1,3	3,1

исследовании показатель оптимизма и уверенности в завтрашнем дне (78,3 %) и одно из самых низких количество ответов «с тревогой и неуверенностью». Но мы приводим данные по этой группе лишь в чисто сравнительных целях — имеют собственную квартиру всего 2,7 %.

Другой фактор, значительно влияющий на умонастроения студентов, их уверенность в жизни — это уровень личного материального благосостояния. Среди тех, кто отметил глубокую неудовлетворенность своим материальным положением, оптимистов несколько меньше, чем в среднем по выборке (51,0 % против 57,9 %), но ощутимо больше тех, кто смотрит в будущее «с тревогой и неуверенностью» (17,2 % при усредненном показателе 10,1 %).

Как и следовало ожидать, среди студентов, частично или полностью удовлетворенных своим жизненным уровнем, доля оптимистов нарастает (соответственно 58,0 % и 70,1 %) и ощутимо падает доля испытывающих «тревогу и неуверенность в своем будущем» (8,1 % и 3,5 %). Важно отметить, что даже в группе глубоко неудовлетворенных личным материальным благополучием и в другой критической группе — проживающих в общежитии — в целом сохраняется общая позитивная динамика: абсолютное большинство (51,0 % среди глубоко неудовлетворенных личным материальным уровнем и 51,8 % среди проживающих в общежитии) смотрит в будущее с оптимизмом.

Пожалуй, наибольшая дифференциация настроений наблюдается по социально-стратификационному признаку — роду занятий отца. По этому показателю выявлены три группы: безусловной социальной неуверенности, подавленности; безусловной социальной уверенности и оптимизма; промежуточная, средняя группа. К первой мы отнесли прежде всего тех, чьи отцы безработные или пенсионеры. Общая, в целом жизнеутверждающая тенденция, характерная для опрошенных, именно в этой группе пресекается, число оптимистов становится

меньше абсолютного большинства. В то же время число отметивших, что они смотрят в будущее с «тревогой и неуверенностью», достигает наивысших значений. Отметим, что доля опрошенных, чьи отцы безработные или пенсионеры, составила более 10,0 %.

Во второй группе — дети руководителей государственных учреждений, предприятий, ведомств и крупных предпринимателей. Они в общей выборке составили около 8,0—9,0 %. Для этой группы характерно, что 70,0—75,0 % смотрят в будущее «с уверенностью и оптимизмом», и это очень высокий показатель. Что касается доли тревожных и неуверенных в будущем, то таких оказалось 13,6 %, что больше, чем в среднем по выборке. Это, в свою очередь, свидетельство достаточно ощутимой внутренней неоднородности подгруппы. Более последовательно ведет себя группа детей крупных предпринимателей. Здесь на фоне высокой доли оптимистов (69,0 %) обнаружена очень небольшая доля пессимистов (7,4 %).

Что касается третьей группы (более 70,0 %), то она демонстрирует при наличии достаточно высокой доли оптимистов (59,0—63,0 % в зависимости от подгруппы) относительно низкую долю откровенных пессимистов, неуверенных в завтрашнем дне (7,0—10,0 %). Только среди детей мелких предпринимателей среди пессимистов неожиданно выявлен высокий показатель (13,6 %), что, видимо, объясняется как ощутимой внутренней неоднородностью этой подгруппы, так и рисками мелкого предпринимательства в условиях российского рынка.

Несколько особняком стоят выходцы из семей военнослужащих. Они скорее примыкают к группе безусловной социальной неуверенности, хотя и сохраняют основную тенденцию, характерную для всей выборки: абсолютное большинство из них (51,7 %) — оптимисты.

О чем свидетельствуют данные табл. 2? Прежде чем мы дадим ответ на этот вопрос, следует сделать одно пояснение. Показатели социально-экономического положения студентов (социальный статус семьи, в которой рос, живет; уровень личного материального благосостояния; живет ли с родителями или приезжий, проживающий в общежитии) тесно связаны друг с другом и даже пересекаются. Так, род занятий отца имеет существенную связь с уровнем материального благополучия. Но последний показатель складывается под влиянием и ряда других факторов, среди которых могут быть, например, подработки, совместное (или нет) проживание с родителями, взаимоотношения с ними. Ведь материальное благополучие родителей, если отношения в семье не сложились, может напрямую и не влиять на уровень личной жизни студента. Следовательно, признавая определенную взаимоувязанность показателей, мы должны видеть и существенную специфику каждого из них.

С этой точки зрения среди рассмотренных социальных факторов особое значение имеет социально-стратификационный, т. е. социальное положение родителей, их позиция в обществе. Это определяет не только материальные возможности, но и те горизонты личного развития, те варианты личной карьеры, те шансы социального продвижения, на которые может рассчитывать студент (используя жизненный опыт, уровень интеллектуального развития, культуры, связи, репутацию, доверие, завоеванные его родителями). Не случайно наименьшие показатели уверенности в завтрашнем дне обнаружены не у молодых людей, глубоко неудовлетворенных своим личным материальным положением, а у детей пенсионеров и безработных, социальные позиции которых не дают устойчивых, предсказуемых возможностей и перспектив для индивидуального развития.

Московское студенчество 1995—2000 гг.

Более того, социально-стратификационный фактор сказывается и на уровне профессиональных, социальных притязаний, на наличии (или отсутствии) культурно-интеллектуальных условий, материальных возможностей (затраты на репетиторство и т. д.) для поступления в престижный вуз с высоким конкурсом. Тем самым мы подходим к анализу зависимости уверенности в будущем от учебно-профессиональных факторов. Необходимо отметить, что общая достаточно благоприятная картина по московскому студенчеству (см. табл. 1) при более дифференцированном анализе выглядит драматичнее и противоречивее.

Анализ данных табл. 3 позволяет выявить вузы, в которых оптимистические настроения отнюдь не доминируют (меньше половины учащихся). Здесь относительно выше доля тех, кто смотрит в будущее, судя по их ответам, «с тревогой и неуверенностью». В другой группе вузов доля оптимистов высока — от 57 до 68 %. Как мы покажем в дальнейшем, водораздел между этими группами вузов будет ощутимым и по другим показателям.

При этом обратим внимание на одно любопытное обстоятельство. В исследовании 1995 г. четко прослеживается различие между техническими и социально-гуманитарными вузами по основным показателям. В 2000 г. это различие несколько размыто. Видимо, за прошедшие годы ряд технических вузов сумел лучше адаптироваться к новым условиям, ввел более востребованные в рыночных условиях специальности. Одновременно возникло много вузов социально-гуманитарного профиля, которые еще не конкурентоспособны ни по качеству обучения, ни по перспективности. Подчеркнем: неумеренное увеличение приема на социально-гуманитарные специальности снизило конкуренцию среди поступающих в эти вузы и тем самым их престижность, усложнило проблему трудоустройства выпускников. Все это во многом уравнило положение добротных старых технических и новых социально-гуманитарных вузов.

Что касается различий в настроениях в зависимости от курса обучения, то, как и следовало ожидать, к четвертому курсу уменьшается доля оптимистов (но она все равно составляет абсолютное большинство). Существенно нарастает число тех, кто смотрит в будущее с тревогой. И это понятно: по мере приближения к завершению обучения увеличивается число молодых людей, у которых неуверенность по поводу успешного трудоустройства возрастает. Но при этом отметим, что различия между курсами обучения по показателю оптимистичности менее ощутимы, чем различия между отдельными вузами.

Рассмотрим еще один учебно-профессиональный фактор — перспективность получаемой специальности и качество подготовки. Данные сведения получены на основе оценки самими респондентами перспективности и качества подготовки. Итак, если студент считает, что специальность, по которой он учится, перспективна и он доволен уровнем подготовки, то в среде подобных респондентов две трети (65,3 %) оптимистично и с надеждой смотрят в свое будущее. Совпадение двух важнейших показателей подготовки (перспективность и качество) дает ощутимо высокий уровень оптимизма и уверенности. Если же один из этих показателей «хромает», то доля оптимистов ощутимо падает (в 1,2—1,25 раза). Причем уязвимость по одному из названных показателей приводит к тому, что доля оптимистов становится даже меньше, чем в среднем по выборке, хотя общая тенденция (принадлежность абсолютного большинства к оптимистам) сохраняется.

Таблица 3 Степень уверенности студентов в завтрашнем дне, оценка перспективности получаемой специальности и уровня подготовки, % ко всем опрошенным

С каким чувством Вы смотрите в будущее?		С надеждой и оптимизмом	Сложно, но без особых надежд	С тревогой и неуверенностью	Со страхом и отчаянием	Безразлично
Вуз	В целом по выборке	57,9	26,0	10,1	2,0	2,2
	МГУ, гуманитарные ф-ты	57,5	27,6	9,2	2,3	3,4
	МГУ, естественные ф-ты	49,2	27,0	14,3	3,2	3,2
	МЭСИ	70,4	11,1	11,1	3,7	3,7
	МГСУ	50,8	30,5	15,3	-	-
	МАТИ	70,8	16,9	7,7	1,5	-
	ГАНГ	53,1	28,6	15,3	1,0	-
	МГИЭМ	51,0	35,4	6,3	4,2	1,0
	РГМУ	58,0	30,4	8,7	1,4	1,4
	ТСХА	48,8	29,3	12,2	2,4	2,4
	МПГУ	48,0	30,7	12,0	1,3	4,0
	МАРХИ	59,5	29,7	2,7	5,4	2,7
	МАЛИ	68,5	15,7	9,0	-	4,5
Курс	второй	61,0	25,4	7,7	1,3	2,1
	четвертый	53,0	29,7	12,5	1,6	1,6
Оценка перспективности получаемой специальности и качества подготовки	Специальность перспективна и уровень подготовки приличный	65,3	19,4	9,4	0,7	2,4
	Специальность перспективна, но уровень подготовки вызывает озабоченность	56,3	27,2	9,7	3,9	1,0
	Специальность не перспективна, но уровень подготовки солидный	53,0	30,9	10,5	1,4	2,1
	И специальность неперспективна, и уровень подготовки невысокий	44,7	28,9	18,4	2,6	5,3

В подгруппе недовольных специальностью, её перспективностью и уровнем подготовки число оптимистов резко сокращается и достигает 44,7 %, что в 1,5 раза меньше, чем аналогичный показатель в подгруппе полностью довольных подготовкой в вузе. Иными словами, депрессивное настроение существенно нарастает в том случае, если ни перспективность получаемой специальности, ни качество подготовки не дают оснований на жизненный успех.

Стоит обратить внимание и на еще одну тенденцию. Число молодых людей, которые «не питают особых надежд» или «неуверенно и с тревогой» взирают на свое будущее, ощутимо нарастает и составляет:

28,8 % в подгруппе удовлетворенных качеством обучения и перспективностью специальности (соотношение $65,3 : 28,8 = 2,27$ в пользу оптимистов);

36,8 % в подгруппе, удовлетворенных лишь перспективностью получаемой специальности ($56,3 : 36,8 = 1,5$ в пользу оптимистов);

41,4 % в подгруппе удовлетворенных только качеством обучения (соотношение $53,0 : 41,4 = 1,3$ в пользу оптимистов);

57,3 % в подгруппе недовольных и качеством обучения, и специальностью ($44,7 : 57,3 = 1,28$ уже в пользу пессимистов).

Как видим, качество работы вуза, соответствие получаемой специальности и качества обучения требованиям жизни также становятся существенными факторами формирования жизнеутверждающих, оптимистических настроений.

Итак, социально-стратификационный признак выступает в синтезе с качеством работы вуза, перспективностью специальности. Иначе говоря, к вузам, которые дают хорошую подготовку, обладают престижем, тянутся, преодолевая конкурс, представители социальных слоев, которые хотят и могут обеспечить своим детям конкурентоспособную подготовку. Они создают необходимые культурно-интеллектуальные условия в семье, нанимают репетиторов и т. д. В престижный вуз, на престижные специальности чаще, чем в другие вузы, идут молодые люди, имеющие для этого не только интеллектуальные, но и определенные социальные возможности.

Проведенный анализ степени уверенности респондентов в своем будущем позволяет наметить логику дальнейшего описания основных проблем студенчества.

Социальное происхождение студентов

Как известно, студентами становятся выходцы из различных слоев общества. Поэтому общесоциологический анализ проблем студенчества, внутренне неоднородного, в качестве одной из своих основ предполагает изучение его социально-стратификационной структуры. Важен ответ на вопрос: представители каких социальных слоев воспроизводятся и соответственно интересы (установки, предпочтения, социальное самочувствие) каких социальных групп находят свое воплощение в студенчестве? При этом, конечно, надо учитывать общегрупповые свойства и интересы. Они вызваны как общими потребностями, так и общесоциальными особенностями молодежи, получающей высшее образование для вступления в трудовую жизнь.

Необходимо ответить и на вопросы, как изменился социальный состав студенчества за последние годы, стабилизировалась ли его социально-стратификационная структура или она еще носит переходный характер. В зависимости от ответов мы можем понять, следует ли ждать серьезных изменений как в социальной структуре, так и в настроениях молодежи. Кроме того, надо учитывать динамику социальной структуры студенчества, которая отражает динамику социальной структуры общества (московского). В качестве основных последствий ее стабилизации можно предположить «примирение» социальных страт со своими социальными позициями, социальным престижем, оценку социальными стратами своего нынешнего положения как обоснованное, т. е. легитимацию социальной стратификации, а значит, и формирование определенных примирительных, лояльных установок, ориентаций по поводу сложившихся общественных устоев. Эти лояльные установки не могут не распространяться и на студентов как выходцев из базовых социальных страт.

Интересен и еще один ракурс проблемы. Какова социальная структура различных вузов? Насколько отличаются друг от друга престижные и непрестижные вузы? Но, учитывая, что выборка ограничена Москвой, данные по социальному составу вузов (табл. 4) имеют чисто справочный, ориентировочный характер.

Какова же социальная стратификация студенчества?

Среди родителей студентов сравнительно немного незанятых (безработных или пенсионеров). К данной категории только 10,2 % респондентов отнесли сво-

Таблица 4 Характер основной работы родителей (отцов) студентов, % ко всем ответившим

Специальность родителей	Учебное заведение												
	Все вузы	МГУ (гум.)	МГУ (ест.)	МЭСИ	МГСУ	МАТИ	ГАНГ	МГИЭМ	РГМУ	ТСХА	МПГУ	МАРХИ	МАДИ
Рядовой работник (рабочий, охранник, обслуживающий персонал государственных предприятий, учреждений)	14,8	6,2	18,3	7,7	20,8	5,1	21,1	15,9	6,9	44,1	22,7	7,9	10,3
Специалист с высшим образованием (преподаватель, врач, инженер, чиновник и т.д.) государственных предприятий, учреждений	33,4	40,4	41,7	26,9	17,0	27,1	35,8	25,0	47,2	20,6	18,2	26,3	44,8
Рядовой работник (рабочий, охранник, обслуживающий персонал, продавец) негосударственного сектора	9,1	2,5	5,0	3,8	15,1	8,5	9,5	18,2	5,6	5,9	10,6	-	17,2
Специалист с высшим образованием (преподаватель, врач, инженер, экономист, адвокат и т.д.) негосударственного сектора	11,3	14,8	8,3	15,4	9,4	13,6	8,4	13,6	6,9	8,8	12,1	23,7	8,0
Руководитель государственного учреждения, предприятия, министерства, ведомства	4,3	8,9	3,3	7,7	1,9	10,2	5,3	1,1	5,6	5,9	3,0	7,9	1,1
Самостоятельный мелкий предприниматель (торговец, в том числе "челнок", индивидуальный), владелец предприятия в сфере малого и среднего бизнеса	5,7	7,4	5,0	11,5	9,4	10,2	1,1	9,1	2,8	-	1,5	13,2	3,4
Крупный предприниматель (коммерсант, владелец, руководитель фирмы, предприятия, банка) негосударственного сектора	3,8	7,4	3,3	3,8*	-	-	4,2	4,5	4,8	2,9	4,5	5,3	1,1
Военнослужащий, работник правоохранительных, судебно-юридических государственных органов	7,2	6,2	5,0	7,7	15,1	10,2	3,2	6,8	9,1	8,8	13,6	2,6	4,6
Пенсионер	7,0	3,8	10,0	15,4	3,8	10,2	6,3	3,4	8,3	2,9	10,6	13,2	5,7
Безработный	3,2	2,4	-	-	7,5	5,1	5,9	2,3	2,8	-	3,0	-	3,4

* Среди матерей опрошенных студентов МЭСИ выявлено 7,1 % крупных предпринимателей, коммерсантов.

их отцов и 16,1 % — матерей. Таким образом, социальная структура студенчества по сравнению с социальной структурой общества выглядит благополучнее, т. е. является структурой «улучшенного» типа. Это связано с двумя обстоятельствами. Первое, чисто возрастное: подавляющее большинство родителей студентов (т. е. лиц в возрасте 17—25 лет) — сами еще люди зрелого, непенсионного возраста. Второе, преимущественно социальное: студенчество рекрутируется, как правило, из более или менее социально благополучных слоев, имеющих стабильный заработок, ясные жизненные цели, стремящихся дать своим детям хорошее образование, квалификацию. Улучшенная социальная структура студенчества сказывается на многих как более, так и менее глубинных параметрах образа их жизни, на уровне материального благосостояния, притязаниях, становится одной из причин его впечатляющих отличий от других отрядов молодежи.

В социальной структуре московского студенчества 2000 г. представлены все основные социально активные и дееспособные слои общества: дети рядовых работников и крупных предпринимателей, владельцев банков, предприятий, специалистов (инженеров, врачей, преподавателей, чиновников) и «челноков»; деятелей малого и среднего бизнеса, руководителей госучреждений и военнослужащих. Доля родителей, занятых частнопредпринимательской деятельностью, составляет около 10,0 %. Это в целом, видимо, соответствует (или даже чуть выше) их доле в населении Москвы.

Но есть страты, которые представлены непропорционально. Речь идет прежде всего о детях, чьи родители — рабочие, охранники, обслуживающий персонал государственных и негосударственных предприятий, учреждений. Их доля составляет 23,9 %, что ощутимо меньше, чем доля рабочих и вспомогательного персонала в московском обществе.

Из этого вытекает ряд важных выводов. В первую очередь следует обратить внимание на то, что несовпадение структуры московского общества и структуры московского студенчества является свидетельством важнейшей латентной социальной функции высшего образования — воспроизводства преимущественно высших и средних слоев (классов) общества, занятых высококвалифицированным и сложным трудом. Поэтому преимущественно представлены именно эти слои. При этом, как показывают многолетние исследования западных социологов, главная причина занижения доли детей рабочих в социальной структуре студенчества вызвана не только «запретами», ограниченностью материальных возможностей для учебы в вузе у представителей неимущих слоев. Даже в тех западноевропейских странах, в которых высшее образование фактически бесплатно, доля детей рабочих в социальной структуре студенчества ощутимо ниже, чем в обществе. Это происходит потому, что для обучения в вузе важно, чтобы в социальной среде имелись не только материальные, но и культурно-интеллектуальные оптимальные условия формирования комплекса личностных качеств, требуемых для получения высшего образования.

Успешное прохождение конкурса, формирование академической дисциплины, развитие мотивации обучения, расширение кругозора требуют среды, где признается престижность интеллектуального труда, где помогают культурному и интеллектуальному развитию, где формируется мотивация на высокие социальные достижения, социальный престиж и статус.

Вполне закономерно, что в социальной структуре московского студенчества шире, чем в московском обществе, представлены выходцы из социальных слоев, в которых созданы благоприятные материальные и, что не менее важно, культурно-интеллектуальные условия.

Конечно, высшее образование является одним из средств для восходящей социальной мобильности, своего рода социальным лифтом (П. Сорокин). Свидетельством этого является тот факт, что среди желающих получить высшее образование только четверть составляют молодые люди, родители которых заняты малоквалифицированным трудом. Но ведущее значение имеет воспроизводственная функция высшего образования, о чем и свидетельствует социальная структура студентов вузов Москвы в 2000 г.

Как изменился социальный состав студентов в последние пять лет? Сравнивая данные табл. 4 с аналогичными показателями 1995 г., можно заметить, что за прошедшие годы снизилась доля тех, чьи отцы работают в государственном

секторе, и соответственно повысилась доля тех, чьи родители заняты в негосударственном секторе. Если в 1995 г. их было 66,0—67,0 %, то в 2000 г. — около 59,0 %. Это уменьшение вполне закономерно. Ведь в последние годы продолжались разгосударствление экономики, развитие частного (включая акционерный) сектора, малого и среднего бизнеса, в том числе в сфере образования, культуры, здравоохранения.

По нашим данным, особенно ощущается прирост студентов из семей «индивидуалов», «челноков», предпринимателей малого бизнеса. Если в 1995 г. они составляли около 2,0 %, то в 2000 г. почти в три раза больше — 5,7 %.

Однако уменьшение доли студентов, родители которых работают в госсекторе, и рост числа студентов, чьи родители заняты в частном секторе, незначительны. Последнее обстоятельство говорит о том, что по этому соотношению социальный состав в целом стабилизировался.

Особый интерес для нас представляли данные о детях рабочих и вспомогательного персонала. Именно по этому параметру замечены наиболее ощутимые изменения.

Напомним, что к 1980-м годам дети из семей рабочих и вспомогательного персонала составляли примерно 35,0—45,0 % от общей численности студентов (данные по СССР). Как известно, в те годы социальный состав целенаправленно управлялся директивными органами для преодоления социальной неоднородности общества, стирания различий между умственным и физическим трудом, т. е. в соответствии с идеологической доктриной советского государства. Поступление в вузы (в том числе в самые престижные) для выходцев из рабочей среды, колхозников, бывших солдат, было облегчено. Это имело как положительные, так и, безусловно, негативные стороны.

Исследование 1995 г. точно и однозначно констатировало, что социальный состав студенчества претерпел по этому параметру внешне не очень заметную, но очень серьезную (по сути революционную) перестройку. Численность выходцев из семей рабочих, продавцов, другого вспомогательного персонала снизились до 20,0 %. Социальный состав стал приближаться к социальному составу студентов цивилизованных стран.

В 2000 г. доля выходцев из семей рабочих и вспомогательного персонала, занятых как в государственном, так и частном секторе, зафиксирована на уровне 23,9 %.

Итак, подведем итоги по важнейшим параметрам. Доля студентов из семей занятых в частном (негосударственном) секторе и доля студентов из среды рабочих и вспомогательных работников (по параметрам, отражающим фактически революционное изменение с конца 1980-х годов — середины 1990-х годов) между 1995 и 2000 г. не претерпели серьезных изменений, т. е. стратификация студенчества в целом стабилизировалась со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Не повторяя вышесказанного о том, свидетельством чего является стабилизация социального состава, отметим лишь следующее. Во-первых, видимо, теперь мы будем иметь дело с молодежью, настроения, интересы, ориентации которой, характерные для среды людей пролетарского происхождения, будут мало развиты и слабо представлены. Асимметрия, «флюсы» в сторону выходцев из высших и средних слоев скажутся на умонастроениях, стиле и уровне жизни студентов.

Во-вторых, стабильность социальной структуры есть выражение «утрамбовки», стабилизации общества (по крайней мере московского). Это означает признание всеми его основными слоями разумным своего нового социального положения, новых социальных позиций, признание новых общественных устоев легитимными. Сформировалась новая система социальных притязаний, критериев успеха различных слоев. Лояльное отношение к окружающему миру, примирение с новым статусом и социальной позицией находят свое проявление как в социальном самочувствии, мотивационной сфере, так и в системе ожиданий, притязаний.

Социальный состав различных вузов существенно отличается. Линия социально-стратификационного водораздела по признаку представительства социальных слоев пролегла между одними и теми же (за небольшим исключением) вузами. Одна группа вузов имеет структуру, в которой доля низших слоев представлена более заметно, чем в среднем по Москве. В этих вузах, как мы покажем далее, иной уровень материального положения студентов, несколько иные социальные настроения и пр. В других вузах в большей мере аккумулированы представители высших слоев общества (руководителей госучреждений, крупных предпринимателей). В этом различии завязывается узел проблем, речь о которых пойдет ниже.

Материальное положение студентов

Одной из важнейших задач исследования являлось изучение уровня материального благосостояния студентов, по поводу которого и в последние годы не утихали споры. Каково же оно сегодня? Что играет решающую роль в его формировании?

В исследовании применялись различные количественные и качественные показатели. Базовый показатель — качественная характеристика личного уровня благосостояния, высказанная респондентами. Количественные показатели — информация о том, какой суммой денег располагает студент в день заполнения анкеты, перечень предметов, которыми он владеет лично или фактически свободно распоряжается (автомобиль, компьютер, пейджер). Помимо этого выяснялось (в общем виде), имел ли студент подработки, сколько ориентировочно зарабатывал, какую долю его расходов покрывали родители. Последние два показателя позволяют ответить на вопрос об основных источниках материального благосостояния студенчества.

Качественные и количественные показатели уровня личного благосостояния студента

Наш (да и других социологов) опыт исследований проблем материального положения студенчества показал, что качественные оценки при всей своей обобщенности в целом дают более точную характеристику уровня жизни, чем оценки количественные. При их кажущейся точности они несут еще более приближительный, а нередко искажающий реальность характер.

Отметим и еще одно обстоятельство. В 1995 г. изучен портрет уровня жизни семьи студента. Это было сделано в целях сопоставления полученных результа-

тов с результатами, отражающими уровень жизни преподавателей вузов и школ Москвы. Вследствие этого данные 2000 г. не совсем корректно сравнивать с показателями 1995 г.

В основу портрета уровня личного благосостояния студента положены три показателя — питание, одежда, развлечения, а также наличие значительных личных накоплений. Питание и одежда — это предметы первой необходимости. Без удовлетворения этих нужд, как правило, о развлечениях не может быть и речи. Варианты портрета различны: средств на развлечения вообще может не остаться (первый уровень); они могут быть ограниченны (второй уровень); они могут быть, но лишь на обычные студенческие развлечения (третий уровень). Может быть и более высокий уровень, когда молодой человек в состоянии удовлетворить все свои желания, запросы. Единственный недостаток уровня жизни подобного студента — отсутствие значительных собственных накоплений (четвертый уровень). И наконец, пятый уровень: молодой человек не испытывает никаких ограничений ни в питании, ни в одежде, ни в развлечениях и при этом имеет серьезные личные накопления.

Для первого уровня (уровень нужды) ключевые слова — «скуден», «нужда», «о тратах на развлечения фактически не мечтаю». Ключевые слова второго (скромного) уровня: «не бедствую, но живу скромно, ограничивая себя в тратах на развлечения». Эти два уровня — свидетельство недостаточного уровня личного благосостояния. Третий (достаточный) уровень характеризуется ключевыми словами «живу неплохо», «всегда есть деньги на развлечения». Для четвертого (обеспеченного) уровня ключевые слова: «обеспечен всем». Характеристика пятого (высокого) уровня определена ключевыми словами: «все проблемы решены на высоком уровне, при этом имею солидные личные накопления».

Особо заметим, что в основу определения уровней положены критерии, значимые для личной жизни именно студента, т. е. молодого человека, еще не обремененного (как правило) семьей, детьми, необходимостью покупать мебель, электробытовые приборы и т. д. Результаты опроса обобщены в табл. 5.

Анализ приведенных данных показывает, что среди всех опрошенных лишь 6,3 % (т. е. каждый 16-й) живут на уровне нужды, скудно, даже не мечтая о развлечениях. Ещё 37,1 % считают, что живут скромно. Они и одеваются проще, и вынуждены ограничивать себя в развлечениях.

Иными словами, в интенсивной, активной социально-экономической помощи нуждаются не более 6,0—7,0 %. Наличие такой помощи позволяет им выжить в буквальном смысле слова. Для 35,0—40,0 % такая помощь преимущественно должна содействовать культурному досугу, развлечениям, так как самым необходимым они в общем-то обеспечены.

Что касается остальных, то они, по сути, не нуждаются в дополнительной материальной опеке, хотя, конечно, от неё не откажутся. Неплохо живут 45,0 % респондентов, они обеспечены в достаточной мере. Ещё 11,6 % живут хорошо, при этом у 0,8 % есть значительные накопления.

Итак, если посмотреть на распределение показателей личного материального уровня жизни через призму прямой социальной помощи и поддержки, то в самой серьезной разносторонней помощи нуждаются 6,0—7,0 %.

Любопытны показатели обеспеченного и высокого уровней личного благосостояния в различных вузах. При среднем по всей выборке показателе 11,6 %, среди гуманитариев МГУ таковые составили 20,3 %, в МЭСИ 17,9 %.

Таблица 5 Оценка студентами своего личного материального положения, % ко всем ответившим

Уровень жизни	Учебное заведение													Проживание		
	Все вуз	МГУ (гум.)	МГУ (ест.)	МЭС И	МТС У	МАТ И	ГАН Г	МГИЭМ	РГМУ	ТСХ А	МПУ	МАРХИ	МАДИ	с родителями	имею квартиру	в общежитии
Мой уровень жизни достаточно скуден, нередко ощущаю нужду в самом необходимом и элементарном. О тратах на развлечения и не мечтаю	6,3	9,0	7,9	-	11,7	-	3,9	8,0	5,6	15,1	6,5	11,6	1,3	4,6	4,3	10,8
Нельзя сказать, что бедствую: самым необходимым в целом обеспечен, но в целом живу скромно, и одежда попроще, и вынужден себя ограничивать в тратах на развлечения	37,1	37,1	36,5	39,3	23,3	32,4	33,3	43,0	43,1	45,0	36,4	37,2	46,1	35,1	13,0	44,0
Живу неплохо, хотя без особого шика: в целом одеваюсь вполне прилично, всегда есть кое-какие деньги на развлечения (конечно, в разумных пределах)	45,0	33,7	42,9	42,9	55,0	57,4	50,0	39,0	44,4	32,5	51,9	39,5	46,1	48,9	43,5	38,8
Можно сказать, что обеспечен всем, как говорится, на приличном уровне. Но все на мне и при мне: значительных собственных накоплений не имею.	10,8	16,9	11,1	17,9	10,0	10,3	12,7	10,0	6,9	7,9	8,6	11,6	6,5	10,6	30,4	6,5
Все проблемы личного материального потребления у меня решены на высоком уровне, при этом я имею значительные личные накопления	0,8	3,4	1,6	-	-	-	-	-	-	2,5	2,6	-	-	0,8	8,7	-

Еще интереснее зависимость личного уровня жизни от того, живет ли студент с родителями, имеет квартиру или проживает в общежитии. Ощутимо более тяжелое положение, чем у остальных, у проживающих в общежитии. Именно в общежитиях 54,8 % нуждаются в различных видах социально-экономической поддержки. Ни по одной другой позиции в выборке мы не имели подобной картины. В среднем по выборке, напомним, этот показатель составил 43,4 %.

Сравните этот показатель с аналогичным показателем живущих с родителями (39,7 %) или же тех, кто имеет собственную квартиру (17,3 %). Причем студенты из общежития очень редко относят себя к обеспеченным (6,5 %). Что же говорить о живущих на высоком уровне? Таковых в общежитиях не выявлено.

Среди тех, кто имеет собственную квартиру, фактически каждый третий живет обеспеченно (30,4 %), еще 8,7 % вообще считают свой личный материальный уровень высоким.

Проведенный анализ качественных показателей личного благосостояния свидетельствует о том, что среди московского студенчества нуждаются в той или иной форме прямой социально-экономической помощи 43,0—45,0 %, причем во всесторонней материальной помощи всего 6,0—7,0 %. Особенно много остро нуждающихся проживает в общежитиях — 10,0—11,0 %.

Остановимся на некоторых количественных показателях уровня жизни, размере подработок. Чем лично владеет, распоряжается современный московский студент? По этому показателю вырисовывается следующая картина:

автомобиль отечественный	10,1 %;
автомобиль иностранный	3,8 %;
мотоцикл отечественный	3,3 %;
мотоцикл иностранный	1,4%;
персональный компьютер	49,8 %;
пейджер	7,5 %;
сотовый телефон	9,3 %.

Таким образом, около 10,0—14,0 % опрошенных имеют в своем распоряжении дорогостоящие предметы престижного потребления, что подтверждает дифференциацию по качественному показателю (см. табл. 5).

Факторы, влияющие на уровень благосостояния студентов

Какие факторы влияют на уровень личного материального потребления московского студенчества? Достаточно тяжелое материальное положение проживающих в общежитии подводит к мысли о роли семьи. Корреляционный анализ показал, что значение этой материальной связи существенно, хотя и не всегда однозначно. Так, 46,6 % ответили, что фактически их материально обеспечивают родители. Сюда относятся затраты на питание, отдых, одежду, аппаратуру и др. Из них 4,1 % отнесли личный уровень благосостояния к уровню нужды, еще 34,5 % — ко второму уровню. В социальной поддержке в той или иной форме в этой категории нуждаются 38,6 %.

Среди живущих за счет родителей 50,4 % отнесли свое материальное положение к достаточному уровню, но всего 11,0 % — к обеспеченному и высокому уровням.

Картина благосостояния студента существенно меняется по мере снижения доли семьи в затратах на него. При этом «родительская доля» составляет 3/4 от всех затрат у 17,2 % опрошенных, около 2/3 — у 9,8 %, около 1/2 — у 10,0 % и до 1/3 — у 9,4 %. Родители только 7,0 % опрошенных не несут затрат на их содержание. В последнем случае на уровне нужды оказались 10,3 % респондентов. Выявлено, что нуждающихся, оказавшихся без помощи родителей в 2,5 раза больше, чем нуждающихся, которые полностью живут за счет семьи.

Число имеющих обеспеченный и высокий уровни и проживающих отдельно от семьи за последние пять лет увеличилось до 20,7 %, т. е. выросло в 2 раза.

Сравнение крайних позиций («живу за счет родителей» и «никакой помощи от родителей не получаю») позволяет более четко выявить основную тенденцию. Она заключается в том, что жизнь в семье резко снижает опасность жить на уровне нужды или на скромном уровне, но и в то же время уменьшает шанс жить, по студенческим понятиям, обеспеченно и богато. Семья, таким образом, является основным фактором при преодолении нужды и бедности. Кстати, среди девушек живут «полностью» или «на 3/4 за счет семьи» 52,9 %, а среди юношей — 38,7%.

Дополнительные заработки студентов

Основным фактором обеспечения высокого уровня благосостояния являются собственные доходы. Речь идет о подработках или о доходах от вторичной занятости, которые имели 44,1 %, т. е. почти каждый второй (табл. 6).

Итак, важнейшим фактором достижения обеспеченного и высокого личного уровней благосостояния студента являются подработки. Какова же общая ситуация с подработками в 2000 г.?

Задавался вопрос: «Имели ли Вы в последние три месяца какие-либо подработки?». Летние каникулы в эти месяцы не входили. (В 1995 г. выявлялись подработки за последний учебный год, включая летние каникулы. Кстати, тогда чуть ли не 40,0 % подрабатывавших имели дополнительные заработки именно в каникулы.) Это несовпадение несколько затрудняет сопоставление данных.

Рассмотрим результаты опроса, приведенные в табл. 7.

В целом подработки стали элементом жизни почти половины студентов. Не имеют подработок чаще всего девушки (63,0 %); среди юношей таких 47,2 %.

Регулярно подрабатывали в среднем 18,0 %. Но их число гораздо выше среди пятикурсников (41,9 %), что естественно, а также среди тех, кто живет в собственной квартире, отдельно от родителей (37,5 %). Картина регулярных подработок существенно различается в зависимости от вуза. Очевидно, что те, кто подрабатывает регулярно, гораздо больше получают дополнительных доходов. Среди подрабатывающих 8,9 % (или 3,8 % опрошенных) в среднем ежемесячно имели доход от 3 тыс. рублей и выше (в том числе 3,5 % подрабатывающих — более 6,5 тыс. рублей). Среди них 3/4 отметили, что подрабатывают регулярно. И наоборот, 3/4 из тех, кто отметил, что их подработки составляют от 400 рублей до 1,2 тыс. рублей, имеют нерегулярные заработки.

Обращает на себя внимание и еще один факт. Среди детей рядовых работников, продавцов, а также специалистов с высшим образованием подработок не имели за последние три месяца 60,0—65,0 %, а среди детей пенсионеров и

Таблица 6 **Распределение уровня личного благосостояния студентов в зависимости от наличия дополнительных заработков, % ко всем ответившим**

Уровень благосостояния	Регулярно подрабатываю	Подрабатываю, но не регулярно	Не подрабатываю
Уровень нужды	9,1	6,1	5,1
Скромный	33,6	34,0	39,5
Достаточный	39,2	47,9	46,5
Обеспеченный	16,1	12,0	8,8
Высокий	2,1	—	—

Таблица 7 **Наличие подработок у студентов в последние три месяца, % ко всем ответившим**

Ответ		Регулярно подрабатываю	Подрабатывал, но не регулярно	Подработок не имел
Учебное заведение	Все вузы	17,9	26,2	55,9
	МГУ (гум)	26,4	28,7	44,8
	МГУ (ест)	17,5	20,6	61,9
	МЭСИ	14,3	14,3	71,4
	МГСУ	18,6	22,0	59,5
	МАТИ	26,9	38,8	34,3
	ГАНГ	9,7	22,3	68,0
	МГИЭМ	14,0	25,0	61,0
	РГМУ	10,7	26,7	62,7
	ТСХА	19,5	22,0	58,5
	МПУ	25,0	19,7	55,3
	МАРХИ	25,0	31,8	43,2
МАДИ	12,6	27,6	59,8	
Проживание	с родителями	16,7	25,1	58,2
	имею квартиру	37,5	20,8	41,7
	в общежитии	17,3	28,1	54,5
Курс	II	13,1	22,4	64,5
	IV	20,8	27,8	51,4
	V	41,9	32,3	25,8

безработных — 52,0—56,0 %. Зато среди студентов, чьи отцы крупные и мелкие предприниматели, не имели регулярных подработок всего 40,0—42,0 %. Это наводит на мысль о том, что немалую роль в трудоустройстве играет не только желание иметь дополнительный заработок, но и возможность найти приемлемую дополнительную работу. Понятно, что предприниматели гораздо легче, чем другие, могут предоставить такие возможности своим детям. Кроме того, круг знакомых родителей, предпринимательские установки детей могут создавать больше возможностей и более устойчивую и развитую мотивацию для дополнительных заработков.

Попытаемся сравнить показатели по подрабатывающим в 1995 и в 2000 г. с учетом того, что напрямую эти данные несопоставимы. В 1995 г. из 58,6 % всех, кто отметил, что имел любые подработки, до 3/4 занимались подработками во время учебы (44,0 % опрошенных). В 2000 г. подрабатывали 44,1 %. Можно осторожно предположить, что число подрабатывающих студентов в семестре по сути не изменилось.

Другое осторожное суждение об изменениях численности регулярно и нерегулярно подрабатывающих в семестре. Эпизодически подрабатывали в 1995 г. чуть менее половины из всех подрабатывавших, или 23,4 % опрошенных. В 2000 г. их было больше 26,2 %. Как видно, различие незначительное.

Сопоставления по регулярным подработкам в семестре выглядят следующим образом: 1995 г. — примерно 20,0 %, 2000 г. — примерно 18,0 %, т. е. различие также незначительное.

Следовательно, как общее число занятых подработками, т. е. имеющих дополнительные доходы, так и соотношения внутри групп регулярно и нерегулярно подрабатывающих за последние пять лет не претерпели каких-либо серьезных изменений. И это еще одно свидетельство стабилизации социальной структуры московского студенчества.

Стабилизация социально-стратификационной структуры повлекла за собой стабилизацию уровня дифференциации материального положения. В то же время она не могла не быть связанной со стабилизацией показателей о дополнительных доходах. Не произошло, как многие ожидали в 1995 г., заметного роста подрабатывающих, не произошло полного превращения студента из «человека обучающегося» в «человека подрабатывающего и иногда обучающегося». Структурная стабилизация нашла отражение в стабилизации желающих (в том числе вынужденно) подрабатывать постоянно.

Завершая анализ материального положения студентов, еще раз отметим, что оно стабилизировалось. Находящихся в «зоне бедствия», требующих существенной прямой социально-экономической поддержки, всего 6,3 %. Еще 1/3 опрошенных испытывают затруднения в удовлетворении своих потребностей, преимущественно в сфере свободного времени, развлечений. Из этого следуют выводы: по мере стабилизации благосостояния значение социально-материальной поддержки неуклонно понижается. Эту тенденцию необходимо учитывать вузовским организациям и выдвигать на передний план работы другие направления, например, помощь в организации свободного времени, досуга. Конечно, никто не откажется от льготной путевки в профилакторий, от льготного проездного билета. Но острую необходимость, нужду в получении такой помощи испытывают все меньше молодых людей.

Некоторые штрихи повседневной вузовской жизни

Учебный процесс в высшей школе — явление многогранное, противоречивое. В нем взаимодействует множество факторов: уровень мотивации, стремление получить высококачественное образование; уровень мотивации деятельности преподавателей, квалификация последних; перспективность получаемой специальности, престижность вуза и т. д. Естественно, что в нашем исследовании мы лишь эскизно могли изучить учебный процесс. При этом в центре внимания стояли вопросы, важные для понимания проблемы именно на общемосковском уровне. Прежде всего нас интересовал анализ реального учебного процесса, характер учебной деятельности студентов, их удовлетворенность специальностью, а также масштабы и формы использования платных образовательных услуг и пр. Рассмотрим эти проблемы.

Успеваемость и характер подготовки к занятиям

Нами установлено, что из общего числа опрошенных учатся преимущественно на «отлично» 14,0 % (в 1995 г. — 12,0 %); на «отлично» и «хорошо» — 35,1 % (35,6 %). Как видим, до половины респондентов как в 1995 г., так и в 2000 г. имеют отличные оценки. Успевают на «хорошо» и «удовлетворительно» или преимущественно на «удовлетворительно» 46,9 % (47,0 %). Слабых студентов около 5,0 %. Конечно, следует иметь в виду, что это социологические (а не статистические) данные. Итак, половина студентов учатся неплохо. Обратим внимание на сходство данных по успеваемости: видимо, подобные пропорции для государственных вузов Москвы имеют устойчивый характер.

Особое значение для понимания реального состояния учебного процесса имеют данные о характере подготовки студентов к занятиям в ходе семестра.

Представленные в табл. 8 результаты опроса свидетельствуют о следующем:

а) более трети студентов (33,2 % в 1995 г. и 39,0 % в 2000 г.) занимаются в семестре с полной отдачей. Они изучают как обязательную, так и дополнительную литературу;

б) около половины опрошенных (43,8 %) готовятся к занятиям, используя методическую и обязательную литературу по всем дисциплинам или только по специальным дисциплинам;

в) каждый шестой студент как в 2000 г., так и в 1995 г. вообще не занимается в семестре.

Интересно проследить за динамикой результатов, характеризующих подготовку к занятиям в ходе семестра. Эти данные показывают определенные изменения, особенно в отношении тех, кто учится, как говорится, по полной программе, и в первую очередь на старших курсах. Так, если у второкурсников этот показатель в 1995 г. составил 32,6 %, то в 2000 г. — 36,2 %, т. е. вырос на 10 %. На четвертом курсе в 1995 г. — 33,0 %, в 2000 г. — 44,0 %, т. е. вырос на 30 %.

Наблюдается ощутимый рост «обучающихся по полной программе» и среди проживающих в общежитии. Если в 1995 г. этот показатель составлял 28,8 % (что было ощутимо ниже, чем по всей студенческой Москве), то в 2000 г. — 37,5 %, т. е. выше на 30 %.

Отметим, что показатель «в семестре фактически не занимаюсь» остается неизменным. В общежитиях и на четвертом курсе число ответивших таким образом по всей выборке в 1995 г. и в 2000 г. примерно одинаково. Доля «разгильдяев» от второго к четвертому курсу в 2000 г. увеличилась почти в два раза (в 1995 г. дифференциация по курсам была незначительной).

Что же сильнее всего определяет дифференциацию в отношении к учебной подготовке во время семестра? У студентов 2000 г. один фактор — курс обучения — мы уже проанализировали. Возможен другой определяющий фактор — гендерный. Так, среди юношей отметили, что учатся по полной программе 35,8 %, среди девушек — 43,4 %. Откровенных разгильдяев среди юношей — 22,5 %, а среди девушек — в 2,2 раза меньше (10,6 %). Иными словами, пол обучающегося особенно сказывается на показателе «разгильдяйская учеба» и некоторым образом влияет на показатель «приличная учеба».

Обращает на себя внимание ощутимый разброс по показателю «приличная учеба» между университетами, социально-гуманитарными и техническими ву-

Таблица 8 Характер подготовки студентов Москвы к занятиям в ходе семестра, % ко всем ответившим

Характер подготовки к занятиям	По всем основным предметам готовлюсь в пределах обязательной литературы, конспектов лекций, а по интересным для себя темам дисциплин (как базовых, так и специальных) изучаю дополнительную литературу	По всем предметам готовлюсь в пределах обязательной литературы, конспектов, но по отдельным темам будущей специальности изучаю журналы, монографии	Готовлюсь, как правило, по всем предметам в пределах обязательной литературы, конспектов; к изучению дополнительной литературы не прибегаю	По специальным предметам просматриваю конспекты лекций, а по неспециальным предметам в семестре, как правило, не готовлюсь	В течение семестра фактически не занимаюсь. Начинаю систематически учиться в ходе зачетной и экзаменационной сессий
Все вузы 1995 г.	12,8	20,4	29,3	20,1	17,4
Все вузы 2000 г.	18,8	20,2	27,9	15,9	16,9
МГУ (гум. Ф-ты)	22,5	18,0	21,3	9,0	29,2
МГУ (ест. Ф-ты)	19,0	41,3	20,6	7,9	11,1
МЭСИ	17,9	42,9	25,0	7,1	7,1
МГСУ	30,0	16,7	26,7	20,0	6,7
МАТИ	17,6	14,7	22,1	19,1	26,5
ГАНГ	10,7	19,4	38,8	19,4	11,7
МГИЭМ	16,0	14,0	27,0	23,0	20,0
РГМУ	19,7	19,7	40,8	11,8	7,9
ТСХА	12,2	14,6	31,7	14,6	26,8
МППУ	17,9	23,1	21,8	29,5	7,7
МАРХИ	31,1	33,3	13,3	4,4	17,8
МАДИ	11,4	13,6	39,8	17,0	18,2
Общежитие 1995 г.	10,5	18,3	32,1	17,9	16,7
Общежитие 2000 г.	16,6	20,9	30,2	16,2	16,2
Студенты 2-го курса 1995 г.	12,8	19,8	30,9	20,0	16,5
Студенты 2-го курса 2000 г.	17,0	19,2	36,4	16,7	10,7
Студенты 4-го курса 1995 г.	12,2	20,8	27,7	20,3	18,4
Студенты 4-го курса 2000 г.	18,4	25,6	20,5	16,4	19,0
Регулярные подработки	20,3	22,2	19,0	13,7	24,8
Мужчины/	15,9	19,9	25,2	16,4	22,5
Женщины	21,1	22,4	30,2	15,7	10,0

зами. Так, в МГУ (гуманитарные факультеты) этот показатель составляет 40,5 %, МГУ (естественные факультеты) — 60,3 %, МЭСИ — 60,8 %, МГСУ — 46,7 %, МАРХИ - 64,4 %, МАТИ - 32,7 %, МГИЭМ - 30,0 %, ТСХА - 26,8 %, МАДИ — 25,0 %, т. е. различаются в среднем в 1,5—2,5 раза.

Видимо, в 2000 г. (впрочем, как и пять лет назад) прорисовываются контуры не очень приглядной картины реального состояния учебного процесса в технических вузах. В принципе эти результаты свидетельствуют о крупных промахах в самой постановке, технологии учебного процесса в технической высшей школе, в которой учебный процесс превращается во многом в натаскивание с помощью методических материалов. Роль самостоятельной научно-поисковой работы (чтение дополнительной литературы и пр.) резко снижена.

Вместе с тем по показателю «разгильдяи» нельзя так однозначно говорить о роли профиля вуза. Высокий удельный вес недобросовестных студентов обнаружен не только в группе технических вузов (МАТИ — 26,5 %, МГИЭМ — 20,0 %), а и в ТСХА (26,8 %), МГУ (гуманитарные факультеты) — 29,2 %, МАРХИ - 17,8 %. Можно утверждать: активность работы с дополнительной литературой

достаточно ощутимо связана с профилем вуза. Однако почти во всех вузах (как гуманитарных, так и технических) доля нерадивых студентов одинакова.

С чем же связан показатель разгильдяйства? Как мы отмечали, с полом опрошиваемого, с курсом обучения. Но особо отметим роль прибыльных регулярных подработок. Среди имеющих регулярные подработки каждый четвертый (24,8 %) в семестре фактически не занимается. Среди имеющих от вторичной занятости среднемесячный доход более 6,5 тыс. рублей недобросовестных студентов около 61,5 %.

Несколько слов о других аспектах учебной деятельности. Как и пять лет назад, респонденты высоко оценили квалификацию преподавателей и организацию учебного процесса, который, по мнению подавляющего большинства, идет без срывов.

Подробнее остановимся на показателях, характеризующих активность, заинтересованность преподавателей и оснащение учебного процесса. Наибольшие нарекания вызывает материально-техническая сторона: оснащенность учебного процесса ПЭВМ, наличие необходимых учебных пособий в библиотеке и т. д. Отрадно, что положительных ответов за пять лет, прошедших после исследования 1995 г., стало в 1,5 раза больше (44,5 % против 29,1 %). Видимо, несмотря на недостаточное финансирование бюджетных вузов, им как-то (за счет платных форм обучения и т. п.) удалось преодолеть отрицательную динамику материально-технического оснащения учебного процесса, которая явно обнаружила себя в 1995 г. Причем нельзя провести четкое разграничение в этом отношении между техническими вузами (где требуются немалые средства для оснащения учебного процесса) и социально-гуманитарными. Вузы скорее разделяются по признаку «богатый — бедный».

Особое внимание следует обратить на активность и заинтересованность преподавателей, их готовность дополнительно помогать обучаемым. Лишь две трети (66,2%) опрошенных в 2000 г. студентов считают, что преподаватели работают заинтересованно, готовы дополнительно объяснять, помогать, стремятся подготовить из студентов хороших специалистов. Причем «да» однозначно ответили только 20,3 %. Это вызывает серьезную тревогу: за этими данными скрывается удручающий факт снижения мотивации деятельности преподавателей не только из-за низкого уровня оплаты труда. Снизилась престижность преподавательской деятельности. Преподаватели вынуждены отвлекаться на дополнительные заработки и т. д. Это ведет к деформации профессионально-ролевых стандартов преподавателей, что было зафиксировано еще в 1996 г. в исследовании «Преподаватель московского вуза». Видимо, ситуация с социально-профессиональным самочувствием преподавателей вузов Москвы мало изменилась. Вполне возможно, что стабилизация этого показателя — свидетельство укоренения такого стандарта, когда преподаватель стремится минимизировать свои усилия.

Студент и дополнительные платные образовательные услуги

В последние годы в государственной высшей школе распространилась принципиально новая форма — дополнительные платные услуги (не путать с контрактной формой обучения). Вокруг дополнительных платных услуг идет много разных разговоров, пересудов.

Несмотря на некоторые моральные проблемы, связанные с непривычностью платных услуг в традиционно бесплатной государственной высшей школе, в их распространении нет ничего предосудительного, если бы не несколько «но». Не вызывает ли личная материальная заинтересованность в оказании подобных услуг к предвзятости преподавателя, к стремлению увеличить число студентов, которые должны получать эти дополнительные услуги? Не деформируется ли вследствие этого объективность оценки знаний? Всегда ли к тем, кто посещает дополнительные платные занятия, преподаватели остаются требовательными, не делая никаких поблажек? Не становится ли в этом случае оплата дополнительных услуг своеобразной замаскированной взяткой?

За два семестра 2000 г. дополнительными платными образовательными услугами воспользовались около 22,0 % опрошенных. Наивысший показатель был отмечен в МАДИ (48,4 %), МАТИ (32,4 %), ГАНГ (26,2 %), МАРХИ (26,7 %) и ТСХА (22,5 %), т. е. каждый четвертый-пятый опрошенный.

Большинство пользовавшихся платными услугами (74,3 %) отметили, что в целом они были полезны, 25,7 % считали, что чаще всего подобные услуги не давали пользы. Причем среди последних в МАТИ — 42,9 %, ГАНГ — 33,3 %, ТСХА - 44,4 %.

Оказывался ли нажим со стороны преподавателя для того, чтобы побудить студента принять решение о получении дополнительных платных услуг? Добровольно такое решение приняли 62,5 %, признались об определенном нажиме — 25,0 %, а 12,5 % вообще отметили, что, как правило, посещение дополнительных платных занятий было фактическим условием продления сессии, допуска к 4—5 передачам экзамена, зачета.

Таким образом, около 40,0 % пользовавшихся платными услугами признали факт их навязывания, а 12,5 % напрямую связали получение незаконных льгот с оплатой этих услуг.

Как видим, навязывание платных услуг может быть вызвано деформацией этических норм в поведении ряда преподавателей, их прямой материальной заинтересованностью. Есть и другие свидетельства подобных деформаций.

Сохраняется ли объективность при оценке знаний оплативших дополнительные платные услуги? Лишь 30,7 % ответили, что преподаватели на зачетах, экзаменах не делают никаких послаблений посещавшим платные дополнительные занятия. Причем в некоторых вузах так ответили 50—60 %.

Признались в том, что некоторое послабление чувствуется, 46,0 %; прямо признали, что «оплатившие дополнительные занятия без проблем сдают (передают) зачеты, экзамены», 23,3 %. В отдельных вузах некоторые или существенные послабления почувствовали 70—80 % оплативших услуги.

И еще один штрих в практике платных услуг. Как известно, все подобные услуги должны оплачиваться через кассу. Только в этом случае о них можно говорить как о легальных, законных. Если же исходить из данных нашего исследования, то всего четверть услуг оплачены через кассу. Среди пользовавшихся подобными услугами всегда оплачивали их через кассу 29,6 % (в МЭСИ — 66,0 %, ГАНГ — 40,7 %, МГИЭМ — 35,7 %); чаще всего через кассу, но были и иные случаи — 30,9 % (в МАДИ — 58,1 %); чаще всего не через кассу — 42,3 % (в МАТИ - 63,6 %, РГМУ-54,5 %, ТСХА - 62,5 %, МПГУ - 77,8 %, МАРХИ - 70,0 %).

Итак, дополнительные образовательные платные услуги, получившие распространение в вузах, особенно в технических, чаще всего дают, по мнению студентов, определенную пользу, но при этом сопровождаются существенными нарушениями моральных и правовых норм.

О негативных явлениях в вузовской жизни

Через ответы студентов мы попытались выявить, хотя бы в первом приближении, степень распространенности в вузовской жизни различных негативных явлений (воровство, проституция, взятки и т. д.). Инструментарий исследования данных проблем был построен следующим образом.

Вначале студент должен был сообщить о том, сталкивался ли он с подобными явлениями лично или знает о них по слухам. Затем о том, с какими из этих явлений он сталкивался лично, был свидетелем, а не знает по слухам, разговорам. Спрашивать впрямую, сам ли студент воровал или воровали у него, сам ли давал взятку, для массового социологического исследования, как нам кажется, неприемлемо. Респондент будет шокирован таким вопросом «в лоб», его ответы не будут искренними. Вместе с тем невозможность задать прямой вопрос приводит к неоднозначной интерпретации полученной информации. Такие сведения не очевидны, однако дают определенное представление о степени, масштабах распространности подобных явлений. Результаты ответов представлены в табл. 9.

Как же распространены негативные явления в жизни вузов, какие из них встречаются чаще всего?

Безусловным лидером является «покупка домашних заданий, курсовых и дипломных работ». С этим лично сталкивался каждый третий опрошенный в 2000 г. (Это вполне ожидаемый результат.) Каждый преподаватель вуза чувствует, что немалая часть дипломных, курсовых работ списана, заимствована, их купили или «перекачали» из Интернета.

Каждый четвертый лично сталкивался с «кражей вещей или денег» (23,8 %). Среди студентов, проживавших в общежитии, так ответили 37,0 %, что в 2,2 раза больше, чем среди живших с родителями.

Просто поражает то, что после «покупки курсовых» и «краж», т. е. чисто студенческих «болезней», по степени распространенности идут «болезни» преподавателей. Это «выставление незаслуженных оценок блатным студентам» (17,9 %); «ценные подарки преподавателям, работникам деканата» (14,7 %). Причем почти в два раза реже это отмечают студенты из общежитий (10,2 % против 18,7 % живущих с родителями). Видимо, это чисто московская форма, когда в приобретение ценного подарка преподавателю вовлекается семья. Печально, что негативные явления, связанные с деятельностью профессорско-преподавательского состава, занимают второе место по степени распространенности.

Ощутимое распространение в студенческой среде получила, как известно, наркомания. Результаты исследования подтверждают это. Лично сталкивались с употреблением наркотиков 17,9 %, т. е. каждый шестой. Конечно, в число ответивших могли попасть те студенты, которые сами употребляют наркотики или видели, как это делают их товарищи. Поэтому названную цифру стоит уменьшить, как минимум, в два раза, чтобы более или менее точно определить реальную численность наркоманов.

Таблица 9 Ответы респондентов на вопрос, с какими из перечисленных явлений они сталкивались лично, были свидетелями хотя бы однажды за год в своем вузе, % ко всем ответившим

Показатель	Все опрошенные	Проживающие с родителями	Проживающие в общежитии
Кража ценных вещей, денег	23,8	16,6	37,0
Продажа наркотиков	7,8	4,3	11,5
Употребление наркотиков	17,9	13,4	23,1
Азартные игры с крупными ставками	2,7	2,4	3,3
Проституция	3,2	2,2	3,4
Вымогательство денег силой	4,6	1,9	9,4
Ценные подарки преподавателям, работникам деканата	14,7	18,7	10,2
Покупка домашних заданий, курсовых и дипломных работ	33,9	34,8	32,8
Получение взяток преподавателями	17,9	18,7	16,6
Выставление незаслуженных оценок «блатным» студентам	20,2	19,6	20,8
Спекуляция проездными студенческими билетами	8,2	8,8	7,7

Примечание. Сумма ответов более 100 %, так как количество ответов не ограничивалось.

Следует отметить, что число респондентов, лично сталкивавшихся с употреблением наркотиков, среди «общежитейцев» почти в 1,8 раза выше, чем среди живущих с родителями (23,1 % против 13,4 %). Налицо большая распространенность этого явления в общежитии, как и продажа наркотиков. С последним в общежитии сталкивается каждый 9-й, а среди москвичей в 2,8 раза меньше — 4,3 %, т. е. единичные случаи. Именно общежитие является очагом распространения этой болезни.

Аналогичная ситуация складывается с «вымогательством денег силой». Каждый 10-й из общежития сталкивался с рэкетом, а среди живущих с родителями — всего 1,9%.

Такие негативные явления, как азартные игры с крупными ставками, проституция, на момент исследования для студенческой молодежи — экзотика (пока?), они носят единичный характер (в пределах математической ошибки).

Таким образом, московский студент вовлечен в социальную жизнь, в которой имеют место негативные, аморальные, противозаконные явления. При этом надо сделать акцент на следующих обстоятельствах.

1. Проведенное исследование выявило достаточно массовую распространенность в студенческой среде краж, наркотиков. Повышенная опасность распространения этих криминальных явлений выявлена в общежитии. Здесь они встречаются в 2—3 раза чаще, чем среди студентов, живущих с родителями. Есть основание полагать, что общежития постепенно превращаются в криминогенную зону или, по крайней мере, в зону повышенного риска.

2. Хотя чаще встречаются студенческие «болезни», наибольшую опасность как в морально-воспитательном, так и в профессионально-образовательном плане, представляет, на наш взгляд, распространенность негативных явлений среди преподавателей. Взятки, подношения, блат — все это не просто неприглядные стороны деятельности профессорско-преподавательского корпуса. Речь идет о деформации стандартов деятельности преподавателя вуза, дисфункции в дея-

тельности высшего образования как социального института, о его саморазрушении. Подобные случаи не единичны, не экзотичны для вузов, они стали массовым, социальным явлением.

Такая высшая школа, такие преподаватели не учат, не воспитывают, а калечат, деформируют молодежь. Преподаватель лишается нравственно-профессионального авторитета, права преподавать. (Вспомним и данные о платных образовательных услугах.) Выстраивается определенная логика, которая позволяет нарисовать отнюдь небезупречные морально и профессионально стандарты поведения преподавателя вуза. Конечно, для более серьезного анализа необходимы специальные исследования. Часто под разрушением высшей школы имеют в виду упадок материально-технической базы высшего образования, низкую зарплату преподавателей и т. д. Но это лишь внешнее, легко фиксируемое, не главное и не самое опасное. Самым опасным является деформация морально-регулятивной первоосновы высшего образования как социального института, правил игры, норм взаимоотношений между студентами и преподавателями, между коллегами-преподавателями, т. е. первоосновы деятельности вуза. Искажения, деформация этой среды наносят непоправимый ущерб высшему образованию.

Штрихи духовно-нравственного портрета студенчества

Жизнь, в которую вовлечены московские студенты, как мы убедились, неоднозначна. Студент более или менее сыт, у него не вызывает серьезных нареканий учебный процесс. В то же время в вузе он сталкивается с безразличием преподавателей, небезупречными формами оказания платных услуг, взятками, блатом и т. д. Подобные тенденции проявляются не только в вузе, однако здесь, как в фокусе, преломляются общие тенденции жизни современного российского общества, где наряду с положительными сторонами четко обозначились болезни духовного характера. А каков внутренний мир студента? Какие нравы, устои, установки формируются у него в подобной среде?

Мы не ставили специально подобную задачу в исследовании, хотя и попытались выявить стандарты проведения свободного времени, найти ответ на вопрос, насколько свободное время студентов, их досуг наполнены духовно-богатыми формами. Каких правил, норм поведения следует, по мнению молодежи, придерживаться в сегодняшней жизни? Что, по мнению респондентов, более всего необходимо современному молодому человеку для жизненного успеха?

Два последних феномена назовем ценностно-нормативными установками.

Типичные формы проведения свободного времени

Мы попытались выявить наиболее распространенные формы проведения досуга студентов. Это позволяет увидеть структуру интересов, духовных устремлений вузовской молодежи, которые наиболее ярко проявляются в условиях свободного выбора (свободного времени). Это поможет также установить, насколько полноценно студент использует свободное время, чем оно заполнено (посещение театров, чтение книг или бездумный просмотр телевизионных передач).

Несколько слов о порядке заполнения анкеты по данному вопросу. Сначала респондент из предложенного списка должен был выбрать три наиболее типичные формы проведения досуга (в том числе выпивку) своих товарищей. Затем, пользуясь этим перечнем, он должен был сообщить о том, какие из выбранных форм наиболее типичны для него лично. Эти хитрости были применены для того, чтобы снизить уровень тревожности респондента, повысить вероятность искренности его признаний.

Приступая к анализу данных табл. 10, сделаем одно существенное уточнение. Данные о трех наиболее типичных формах досуга получены на основе не статистической фиксации бюджета времени студента, а социологическим путем — на основе учета мнения респондентов. В последнем случае возможны неточности: ведь человек ориентируется не столько на факты, сколько на некий образ, сложившийся у него по поводу своего времяпрепровождения, о себе лично.

В целом картина выглядит более или менее благополучно. Безусловными «лидерами» являются: чтение книг (40,7 %), просмотр теле- и видеопрограмм (38,9 %), выпивки с целью повеселиться, расслабиться (35,6 %), посещение театров, выставок, концертов (33,4 %).

У проживающих в общежитии ситуация по некоторым показателям даже улучшается, а по выпивке снижется (до 30,2 % вместо 35,6 % среди всех опрошенных). Резко (на треть) растет «товарищеская вечеринка без выпивки» (с 22,5 % до 29,8 %). Это также вполне объяснимо, как и падение показателя «отдых на природе». Ведь «общежитейцы», добравшись до своего места обитания, менее, чем москвичи, склонны к прогулкам на природе.

Относительно благополучна картина досуга в том случае, когда выпивка, хотя и присутствующая среди первых четырех форм времяпрепровождения, все-таки еще не стала ведущей. Положение существенно меняется, если проанализировать ответы юношей. Выпивка превращается в безусловный приоритет. Почти половина опрошенных (45,4 %) из восьми форм проведения досуга выбрали ее в числе типичных. Иначе говоря, времяпрепровождение мужчин сегодня явно деформировано. Фактически выпивки являются их бесспорным атрибутом.

Среди девушек этот показатель выглядит достаточно скромно. Но и здесь есть определенные основания для размышлений. Каждая третья-четвертая студентка считает выпивки с целью повеселиться, расслабиться вполне нормальной, типичной формой досуга. Этот показатель конкурирует у девушек с такими безобидными формами проведения свободного времени, как товарищеские вечеринки (без выпивки), участие в дискотеках. Вообще, данные о распространенности выпивки среди студентов, особенно мужского пола, стали для нас в какой-то мере неожиданностью.

Чем обеспечивается успех в сегодняшней жизни

Своеобразным фокусом духовной жизни современного студента являются установки, ценностные притязания на достижение успеха в современной жизни. С одной стороны, речь идет об определяющих жизненных ориентирах и приоритетах: к чему следует стремиться, что является решающим условием успеха, насколько современный молодой человек рассчитывает на собственное трудолюбие, достижения и соответственно прилагает в этом достиженческом направлении основные усилия. Или же он рассчитывает на везение, удачу (авантюрис-

Таблица 10 Наиболее типичные формы проведения досуга, % ко всем ответившим

Форма досуга	Все студенты	Проживающие в общежитии	Мужчины	Женщины	Студенты 2-го курса	Студенты 4-го курса
Отдых на природе	28,7	17,9	27,7	29,7	27,1	31,5
Спортивные занятия	23,0	23,4	30,9	16,7	23,9	23,8
Чтение книг	40,7	48,9	36,7	43,8	37,6	45,3
Просмотр теле- и видеопрограмм	38,9	42,1	34,0	42,6	38,7	40,4
Выпивка с целью повеселиться, расслабиться	35,6	30,2	45,4	27,9	33,9	37,8
Товарищеская вечеринка (без выпивки)	22,5	29,8	18,7	25,4	25,4	19,5
Посещение театров, выставок, концертов	33,4	34,0	25,3	39,9	33,9	30,9
Участие в дискотеках	24,1	22,1	21,1	26,5	28,9	18,9

Примечание. Сумма больше 100 %, так как можно было выбрать до трех ответов.

тическая ориентация)? Либо считает, что стоит полагаться прежде всего на связи, блат (аскриптивно-партикуляристская ориентация)?

Таким образом, выясняя мнение о факторах жизненного успеха, мы отвечаем на фундаментальный вопрос: насколько в нашей жизни утвердились достиженческие нормы, нравы или, наоборот, аскриптивно-партикуляристские стандарты, предполагающие, что люди достигают успеха благодаря родственным связям, путем всяческих исключений, блата.

С другой стороны, включив в число вариантов ответов такие элементы, как качественное образование, перспективная специальность, трудолюбие, мы изучаем мотивацию учебной деятельности и то, насколько она вписана в общие жизненные устремления молодого человека. Являются ли (и насколько) для него учеба, образование значимым условием жизненного успеха? Если да, то, следовательно, мотивация учебной деятельности будет достаточно развита. Если не очень, то можно ждать соответствующего отношения и к учебе.

Проблемам мотивации непосредственно были посвящены лишь несколько вопросов. Многие из них в неизменном виде использовались в исследовании студентов СНГ (1992 г.), выпускников МАИ (1992 г.), студентов МГУ (1993 г.) и, наконец, студентов Москвы (1995 г.).

Респондентам задавался вопрос: «Что, по Вашему мнению, более всего необходимо сегодня молодому человеку для жизненного успеха? Обведите не более трех вариантов ответов». Были получены следующие ответы (табл. 11).

Следует учесть, что мотивация — достаточно сложное и, самое главное, чуткое духовное образование. Она аккумулирует жизненные наблюдения человека, его размышления о том, как живут люди, что сегодня важнее, а что отступает на второй план. Являясь же побудительной силой деятельности человека, его конкретных социальных действий, мотивация определяет устремления человека, смысл его активности, практических выборов.

Приведенные данные характеризуют нашу жизнь, ее изгибы, позитивные и негативные тенденции, устойчивые культурно-исторические традиции. Может быть, признание безусловным приоритетом среди факторов жизненного успеха «связей, поддержки влиятельных лиц, знакомств» — это отражение социально-исторического уровня развития нашего общества? Здесь же можно отметить приоритет патриархально-общинных и других факторов, когда отдается предпочтение не личному усердию и достижениям человека, а его происхождению, близости к властям предрежащим, благу и т. д.?

Таблица 11 **Мнения студентов о факторах жизненного успеха, % ко всем ответившим**

Показатель	1995 г.		2000 г.	
	%	рейтинг	%	рейтинг
Природная одаренность, способности	37,5	IV	33,7	IV
Связи, поддержка влиятельных лиц, знакомства	57,9	I	64,4	I
Предприимчивость, находчивость	43,1	III	49,4	II
Трудолюбие, добросовестность	31,5	V	27,3	VI
Качественное образование	43,4	II	34,7	III
Везение, удачное стечение обстоятельств	23,8	VII	27,4	V
Умение устраивать свои дела всеми доступными средствами	15,6	VIII	15,6	VIII
Материальная поддержка родителей, родственников	10,0	IX	12,2	IX
Перспективная специальность	24,7	VI	23,8	VII

Примечание. Сумма более 100 %, так как возможно несколько ответов.

Несколько слов об истории данного вопроса.

Во всех предыдущих исследованиях, о которых мы упоминали, «связи, поддержку влиятельных лиц» студенты ставили не ниже второго места. Сложнее обстояло дело с показателем «качественное образование». В первые годы реформ, в условиях полной сумятицы в умах, неопределенности и непредсказуемости в обществе, начало складываться пренебрежительное отношение к образованию как к капиталу. И это нашло свое отражение в наших исследованиях. В 1992—1993 гг. «качественное образование» как фактор успеха студенты МАИ и МГУ отодвинули на пятое место. На передний план, вслед за связями, блатом чаще всего выходили показатели «предприимчивость, находчивость», «везение, удачное стечение обстоятельств».

Анализируя подобную конфигурацию приоритетов, мы отмечали, что формируется тип энергичного, предприимчивого авантюриста («авось повезет»), надеющегося не столько на собственные силы («трудолюбие, качественное образование»), сколько «на связи». По крайней мере, очень многие из опрошенных студентов предпочли качественному образованию, трудолюбию, перспективной специальности, сознательным усилиям личности по самосовершенствованию, формированию достигнутых качеств, везению, «голую» предприимчивость. Это не могло не вызвать пессимизма.

В 1995 г. наметились явно благоприятные сдвиги в пользу достигнутых мотивов и факторов. Качественное образование, хотя и не смогло потеснить с первого места связи, но все же заняло второе место. Было обнаружено продвижение вперед и таких показателей, как «трудолюбие» и «перспективная специальность». В то же время авантюристически-фаталистическое «везение, удачное стечение обстоятельств» отодвинулось с четвертого-пятого места на седьмое.

Подвижки, зафиксированные в 1995 г., видимо, являлись определенным свидетельством социальных изменений в стране. Люди осмотрелись и поняли, что рынок не так страшен, как казалось в первые годы гайдаровских реформ. Это был период, когда личные достижения, активность молодого человека, предпринимателя давали серьезные шансы на успех. Еще не был поделен рынок, еще

не были заняты все ниши, что давало уверенность в честной конкуренции и т. д. После 1995 г. в стране начали развиваться иные тенденции: «семибанкирщина», поддержавшая Ельцина на выборах, потребовала олигархических привилегий; произошло сращивание власти и олигархов; преступность стала активно влиять на конкуренцию, политику; возникли «Семья», дело «Мабитекс», коррупция в высших эшелонах власти; рынок был закрыт для новых умных и инициативных людей, все было поделено между олигархами и т. д. Отсюда — изменения в мотивационных приоритетах.

Прежде всего следует отметить дальнейшее укрепление, нарастание показателя «связи, поддержка влиятельных лиц, знакомства». Это в качестве наиболее важного условия отметили 2/3 опрошенных. Ориентация на связи, недостиженческие способы обеспечения личного успеха стала безусловной для большинства студентов.

Ощутимо вырос показатель «предприимчивость» — с 43,1 % в 1995 г. до 49,4 % в 2000 г. и с большим отрывом вышел на второе место. Намечился рост показателя фаталистического авантюризма — «везение, удачное стечение обстоятельств» (с 23,8 % до 27,4 %). Возросли все недостиженческие факторы индивидуального развития и успеха, и соответственно снизились показатели, требующие личных, и прежде всего образовательных, усилий человека.

Резко снизился (почти на 1/3) показатель «качественное образование» (с 43,4 % до 34,7 %); снизились показатели «трудолюбие» (с 31,5 % до 27,3 %) и «перспективная специальность».

Такой показатель, как «природная одаренность, способности», который все-таки противостоит связям, везению, снизился с 37,5 % до 33,7 %.

Любопытно, что выбор тех или иных приоритетов, как и следовало ожидать, существенно связан с качеством учебной деятельности. Так, среди предпочитающих «связи», «предприимчивость», «везение» доля тех, кто «в течение семестра фактически не занимается», достигает 17,8—19,6 % (т. е. каждый пятый-шестой). Среди отметивших «трудолюбие», «качественное образование» бездельников было 11,0—12,0 % (т. е. в 1,4—1,5 раза меньше).

По всей видимости, общественные устои, которые сформировались в последние годы правления Ельцина и были особо ощутимы в Москве, нашли свое более или менее точное отражение в изменении мотивационных приоритетов студенчества.

Вместе с тем хотя подвижки несколько переставили приоритеты, изменили рейтинги различных факторов, студенты — это молодые люди, которые, понимая ведущую роль в нашем обществе недостиженческих факторов (связи) в достаточной мере ориентированы на качественное образование. Данный фактор сохранил свое положение в первой тройке, правда, значительно снизился. Молодые люди трезво оценивают значение в российской действительности связей, блата, но они все-таки рассчитывают на то, что не все достигается с их помощью.

Какой будет система приоритетов через 10—20 лет, в существенной степени зависит от того, произойдут ли глубокие изменения в структуре социальных взаимодействий нашего общества, восторжествуют ли достигнутые институты либо устои, заложенные в 1990-х годах с их ориентацией на блат, с повсеместным воспроизводством клановости, мафиозности, коррупции, уже укоренились, приобретя, возможно, несколько более смягченный, облагороженный характер.

Каких правил следует придерживаться в современной жизни

Любопытные и неоднозначные по содержанию данные получены при ответах на вопрос «Каких правил, по Вашему мнению, следует придерживаться в нашей сегодняшней жизни?». Было предложено 16 норм — правил, по которым респондент в ответе должен был высказать свое согласие, несогласие или затруднение. Иначе говоря, молодой человек должен был выбрать вариант поведения, которое он считает наиболее целесообразным в современных условиях. Такой выбор — это представление о том, как следует жить в современном мире. В ответах на этот вопрос личное желание, устремление преломляются через призму того, что позволено, разрешено, что поощряется. В результате получаем представление о практических нравах, нормах поведения.

Мы составили «меню» этих нормативных утверждений, включив в него и ряд утверждений, казавшихся бесспорными, — «необходимо всячески стремиться к расширению кругозора, развитию культурного уровня». Включили и небезупречные в нравственном отношении, но, видимо, достаточно распространенные в современном кризисном обществе утверждения. Например, «можно получить взятку, если есть гарантия, что никто не узнает». Отдельные утверждения, которые респонденты первоначально относили ко второму разряду (небезупречные, но широко распространенные), пришлось, учитывая ответы, перевести в первый разряд (бесспорных), и наоборот.

Следует учесть и еще один очень важный момент. Нами были предложены утверждения, нравственно ценные ответы на которые известны каждому с пеленок. Поэтому выбор варианта — «затрудняюсь ответить» является не столько свидетельством интеллектуальных затруднений (типа «не информирован»), сколько нравственных. Они связаны с пониманием того, в чем благородный человек в благополучном обществе никаких затруднений испытывать не должен. Иначе говоря, нравственные затруднения свидетельствуют не в пользу респондентов — они сомневаются в целесообразности высоконравственных норм. Поэтому вариант имеет аморальный оттенок.

К рангу «абсолютно бесспорных» истин относятся следующие утверждения:

«следует жить в ладу со своей совестью» (81,5 % ответили «скорее согласен»);

«необходимо всячески стремиться к расширению кругозора, развитию культурного уровня» (95,5 % ответили «скорее согласен»).

К этой группе необходимо прибавить еще два нормативных утверждения-правила. Они получили столь массовое согласие, что их можно толковать как бесспорные:

«сексуальные отношения до брака вполне допустимы» (87,0 % ответили «скорее согласен»);

«на ответственные посты надо выдвигать наиболее профессионально подготовленные кадры независимо от их национальности» (77,2 % ответили «скорее согласен»).

К группе относительно «бесспорных» нравственных истин следует причислить группу утверждений, которые поддержали более чем две трети опрошенных:

«дружить лучше с тем, кто может быть тебе полезен» (68,7 % ответили «ско-

рее не согласен»). Отказ от корыстной дружбы квалифицирует наших респондентов с лучшей стороны (но не сказался ли юношеский романтизм?);

«каждый молодой человек должен пройти службу в армии» (61,0 % , а среди юношей — 78,0 % ответили «скорее не согласен»).

Мнения по этим и другим, как оказалось более проблемным, нравственным утверждениям приведены в табл. 12.

Какова же реакция на утверждения «надо верить в порядочность людей» и «хороших людей больше, чем плохих»? С какими настроениями, ожиданиями смотрят студенты на окружающих людей, насколько видят в окружающих партнеров, насколько гуманистически окрашено восприятие ими окружающего мира? Кто перед нами — озлобленный, недоверчивый, враждебный к другим эгоист или гуманист, готовый к сотрудничеству, оптимистически воспринимающий окружающих? В какой-то мере полученные данные стали для нас неожиданными: ведь опрашивались молодые люди, для которых всегда характерны оптимистические настроения, гуманистическая доброжелательность. Результаты анкетирования говорят скорее об обратном. Согласны с тем, что «надо верить в порядочность людей», 47,8 % опрошенных. По близкому утверждению — «хороших людей больше, чем плохих» — получены аналогичные данные (согласны с этим 55,0 %).

Для социологов очевидно, что настороженно-недоброжелательное (напряженное) отношение к окружающим со стороны молодых людей — это зеркальное отображение отношений, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни, а более широко — отражение той атмосферы, которая сложилась в социуме.

И вполне естественно, что в среде студенчества, видимо, как отражение процессов, происходящих в обществе, ошутимо развиты крайний прагматизм, меркантилизм, переступающие нормы морали и закона. И это касается как сугубо личных вопросов, так и проблем, регулируемых законом. Так, меркантильными кажутся ответы молодых людей на вопрос о выгодном браке. Только 36,6 % не согласны с утверждением «желательно вступить в выгодный брак».

Крайним прагматизмом окрашены и ответы на утверждение «ради решения важных личных проблем можно пренебречь приличиями, нравственными нормами» (50,0 %).

Меркантилизм проявился и в согласии с утверждением «необходимо делать лишь то, что тебе выгодно». В неопределенно-отрицательной форме («скорее не согласен») ответили 53,8 %, полностью поддержали 26,7 %, нравственно затруднились в ответе (т. е. колеблются в этой достаточно ясной в моральном отношении ситуации) 19,5 %.

Мы попытались методом корреляционных связей выявить, какая среда в наибольшей мере способствует формированию подобных крайне эгоистических позиций. Среди юношей поддержали эту эгоистическую норму 31,7 % и 15,3 % затруднились ответить. Так или иначе склоняются к крайнему эгоизму 47,0 %. Среди девушек таких — 44,0 %, причем однозначно асоциальных среди них 22,6 %.

Более ошутимо влияет на формирование этой крайне эгоистической позиции социальное происхождение. Среди детей руководителей государственных ведомств 53,1 % однозначно согласились с тем, что «необходимо делать лишь то, что тебе выгодно», и еще 12,5 % затруднились ответить — всего 65,6 % склоняются к крайнему эгоизму. Интересно, что стоящие на противоположном полюсе социальной стратификации дети безработных также демонстрируют позицию

Таблица 12 Ответы на вопрос «Каких правил, по Вашему мнению, следует придерживаться в нашей сегодняшней жизни?», % к опрошенным

Утверждение-правило	Скорее согласен	Скорее несогласен	Затрудняюсь ответить
Необходимо делать лишь то, что тебе выгодно	26,7	53,8	19,5
Надо верить в порядочность людей	47,8	32,8	19,4
Следует уклоняться от уплаты налогов	27,8	43,8	28,4
Мудр тот, кто готов приспособливаться к любой ситуации, даже если ему не по душе	61,6	25,5	12,8
Можно получить взятку, если есть гарантия, что никто об этом не узнает	28,2	48,1	23,7
Хороших людей больше, чем плохих	55,0	22,5	22,4
Ради решения важных личных проблем можно пренебречь приличиями, нравственными нормами	28,5	50,0	21,5
Желательно вступить в выгодный брак	39,9	36,6	24,2
Коллективные сплоченные действия ничего не решают, каждый должен сам решать свои проблемы, рассчитывать только на себя	36,3	49,0	14,1
Необходимо следовать советам родителей — они зла не пожелают	49,4	18,5	32,0

крайнего эгоизма: 62,5 % разделяют подобные утверждения, из них 41,7 % однозначно согласны с этой позицией. Высок этот показатель и у студентов из семей мелких предпринимателей — 55,0 %, из них безусловно согласны 44,2 %.

Согласие опрошенных студентов с утверждениями, которые открыто предполагают нарушения закона, ярко демонстрирует нравы современной молодежи, ее готовность к прямым нарушениям законодательства.

Не согласны с утверждением «следует уклоняться от уплаты налогов» 43,8 %, в открытую соглашались 27,8 %, а 28,4 % нравственно затрудняются, что по поводу противозаконных действий выглядит небезупречно. Таким образом, 56,2 % в той или иной мере согласны с тем, что «следует уклоняться от уплаты налогов». Характерно то, что больше всего согласных с этим утверждением среди детей мелких предпринимателей (47,6 % из них однозначно согласны и еще 28,6 % затруднились в оценке — всего 76,2 %). Среди детей безработных так или иначе согласились с этим утверждением 69,5 %.

Особое значение для понимания духовных устоев имеют ответы на вопрос о возможности получить взятку. В ситуации с налогами многое может объясняться чрезмерным уровнем налоговых обложений, недоверием к государству при их использовании. Но взятка — это явно незаконное и глубоко аморальное явление. Высказанная готовность (или неготовность) брать взятки — очень важный индикатор для оценки нравов общества, его молодежи. И так, 48,1 % не согласились брать взятки, 51,9 % в той или иной мере считают, что взятки брать следует. При этом 28,2 % однозначно согласны, а 23,7 % нравственно колебались по поводу этого откровенно аморального и противозаконного явления.

Наибольшее число несогласных брать взятки выявлено среди детей руководителей государственных учреждений. Из этой среды не согласны с утверждением 40,6 %. Среди детей крупных предпринимателей не согласны 34,6 %.

В итоге мы получили портрет молодежи, моральный облик которой существенно деформирован. Молодые люди считают нормальными крайний эгоизм, меркантилизм, готовы пренебречь не только моральными нормами, но и законом. Такое поколение сформировалось в стране за последние 10 лет.

Заключение

Результаты исследования подводят к ряду выводов. Остановимся, в частности, на общесоциологических аспектах анализа российского общества. Последние обращают внимание на множество граней, проблем, образующих достаточно длинную цепь взаимосвязанных идей. Ограничимся следующими заключениями.

1. Зафиксированная социальная устойчивость, проявляющаяся в стабилизации не только социально-стратификационной структуры студенчества, но и других аспектов высшего образования (например, уровня жизни студентов, числа подрабатывающих, в том числе вынужденных подрабатывать), позволяет прийти к предположению, что, видимо, в основном трансформация социальных институтов нашего общества завершена. Конечно, еще могут существовать отдельные и достаточно серьезные изменения, в том числе правовых норм. Процессы, отмеченные в Москве, в той или иной форме и степени характерны и для всей страны, но в целом каркас, основа новой институциональной системы, т. е. ценностно-нормативные регуляторы, определенный порядок вещей, социально-ролевая и стратификационная структуры, по всей видимости, созданы и воспроизводятся в новых поколениях.

Важным признаком такой стабилизации является адаптация членов общества к новому порядку, системе общественных связей и отношений. Стабилизация всегда сопряжена с адаптацией социальных агентов к новой институциональной системе (стабильность, определенная устойчивость порядков облегчает, делает возможным адаптацию; адаптация поддерживает, сохраняет стабильность нового порядка вещей). Главное в такой адаптации — это признание большинством членов легитимности, сформированной в результате трансформации социальных институтов, новой социальной стратификации общества и своей социально-стратификационной позиции в этом обществе. Легитимация нового общественного порядка проявляется достаточно широко как в повседневной жизни, так и в политике, в частности в ходе выборов, в практической деятельности тех же губернаторов-коммунистов; в результатах опросов общественного мнения конкретно-социологических исследований, в том числе нашего, когда представители даже низших слоев общества (дети рядовых работников государственного и негосударственного секторов) с оптимизмом и уверенностью смотрят в завтрашний день — они адаптировались к этой реальности и видят для себя определенные шансы.

Конечно, нельзя утверждать, что легитимация нового порядка во всех слоях и повсеместно проявляется как полное одобрение. Распространена и другая форма, в частности примирительная легитимация, вынуждающая признать более ограниченные шансы на будущее, новый порядок, когда отсутствие сил, способных изменить новое положение вещей, заставляет принимать реальность по принципу «другого не дано». Но это, на наш взгляд, не меняет оценки общего состояния российского общества в начале нового столетия: в результате трансформации социальных институтов мы имеем дело с новым устоявшимся, легитимным устройством общества, порядком социального устройства, которое проявляет способность к устойчивому самовоспроизводству в новых поколениях.

2. Сформированные институты формально построены на признании демократии, принципов частной собственности, рынка, идеологического и политичес-

кого плюрализма и т. д. В то же время данные принципы во многом реализуются в уродливо-симбиотической форме. Это касается в том числе (а может быть прежде всего) нравственно-нормативных первооснов сформированного общественного устройства. Об этом свидетельствует не только реальная практика (нравы), в которую каждый из нас «каждодневно окунается», но и многие негативные явления в жизни студентов московских вузов (взятки, подарки преподавателям, блат, откровенные нарушения нравственных и правовых норм в практике предоставления платных образовательных услуг в вузах). Но разве подобные явления характерны только для вузов? В результате — и это выглядит еще более, мягко говоря, тревожным — мы фиксируем определенную направленность нравственных правил, ценностных ориентаций, предпочтений нынешней студенческой молодежи. Наряду с рядом позитивных моментов мы отмечаем немалые деформации в ее облике: крайний эгоизм, меркантилизм, настороженно-недоброжелательное отношение к окружающим, готовность идти на нарушения моральных и правовых норм, если об этом никто не узнает, ориентацию на недостиженческие пути личного успеха.

По мере взросления студентов и всего общества можно ожидать определенное сглаживание крайностей, но основа, очевидно, в целом будет воспроизведена.

Для социологов очевидно, что этот духовный мир является отражением и воспроизведением тех нравов и ценностно-нормативных устоев, на которых реально (а не формально) построена система социальных институтов трансформированного общества. Более того, в духовных предпочтениях поколения, которое другой России не знало, четче и рельефнее проявляется природа новых общественных институтов.

Созданная система социальных институтов в своей основе наряду с отдельными позитивными моментами включает достаточно уродливые нравственные стандарты и регуляторы. Она во многом деструктивна из-за деформированности немалой части своих нравственных основ или, по крайней мере, ей грозит малоэффективность. Институты не выполняют в полной мере многие свои функции, в частности они не могут обеспечить высокую предсказуемость, надежность поведения партнеров, организованность социальных взаимодействий, не могут существенно снизить транзакционные издержки и т. д. В результате социальная система не в полной мере одаривает своих членов теми преимуществами, которые заложены в соорганизованной кооперации людей. Мы обречены на медленное социально-экономическое развитие, на новые политические, экономические, нравственные дефолты.

Общество с подобной системой институтов скорее всего сможет существовать достаточно долго (история, в том числе отечественная, знает множество подобных примеров), но оно не в состоянии конкурировать с более эффективными социальными системами. Отсюда вновь упор на развитие добывающих отраслей, всякого рода чрезвычайки и т. д. Правомерны вопросы: достигнуты ли цели преобразования и создания системы эффективных социальных институтов, эффективного социального порядка? Удалось ли российскому обществу выйти из круга социальных устоев, воспроизводящих невысокую эффективность, низкую конкурентоспособность?

Литература

- Вишневский Ю.Р., Рубина Л.Я.* Социальный облик студенчества 1990-х годов // Социологические исследования. 1997. № 10.
- Константиновский Д.Л.* Институт образования и социальное неравенство // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М., 2001.
- Кухтевич Т.Н.* Ценностные установки студенческой молодежи: социологический аспект // Современное студенчество: актуальные вопросы образования и воспитания. М., 1992.
- Высшая школа в зеркале социологии. Тенденции развития российской высшей школы / Сост. Ф.Э. Шереги, В.Г. Харчева, В.Г. Сериков. Ярославль, 1997.
- Эфендиев А.Г.* Московский студент: проблемы и настроения. М., 1996.
- Эфендиев А.Г., Дудина О.М.* Московское студенчество в период реформирования российского общества // Социологические исследования. 1997. № 9.